

Кладбище богов

Михаил Тырин
Легионы хаоса

«ЭКСМО»

2011

Тырин М. Ю.

Легионы хаоса / М. Ю. Тырин — «Эксмо», 2011 — (Кладбище богов)

Бывший десантник Влад Самохин, оказавшись вместе с родным городком в мире Кладбища Богов, сумел не только выжить, но и стать одним из Просвещенных Магистров. Впрочем, магистром Влад стал по чистой случайности, ведь он боец, а не книжник. Мог ли он знать, принимая магистерскую звезду из рук великого Аматиса, что вот-вот наступят лихие времена? Что на Ванталу нападут зловещие гурцоры – adeпты Темного знания? Что, используя зеркала перемещения, они наводнят столицу мира невиданными чудовищами, безжалостно истребляющими людей? Что придется ему, ветерану ВДВ, вновь браться за родимый АКМ?..

© Тырин М. Ю., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Вместо пролога	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Михаил Тырин

Легионы хаоса

Вместо пролога

...Нас было пятеро, и до той страшной ночи нас ничего не связывало. Судьба сложилась так, что в день Перемещения мы оказались в одном месте. Эту ночь никто из нас не сможет забыть до самой смерти.

Утром я, Влад Самохин, позавчерашний дембель, вчерашний арестант, выбрался из подвала разгромленного милицейского отдела – и не узнал свой город.

Безлюдные улицы оказались загромождены брошенными машинами. Ветер трепал занавески в разбитых окнах и гнал между домов мусор. Тротуары покрывал слой нанесенного откуда-то песка.

Большая часть улиц была затоплена подступившим со стороны южных кварталов морем. С противоположной стороны города простиралась песчаная пустыня.

В тот же день я отыскал тех, кто оказался в этой беде вместе со мной. Один из них – Никита Лисин, сержант, милицейский шофер. Второй была его подруга Марго. Еще с нами оказался Петрович – заводской работяга, дружинник и общественник. И наконец – Эдик, студент, задержанный накануне милицейским патрулем, как и я.

Мы не знали, что произошло с нами и нашим городом. Мы просто пытались выжить, закрепиться, запастись на первое время едой и другими припасами.

Но оказалось, что мы здесь не одни. Первыми грабить дома и магазины пришли усоды – бестолковые малорослые существа с хоботками на лице. Затем появились вооруженные люди в одинаковой форме – они прочесывали улицы.

Людей сопровождали вурды – жуткое, свирепое и сильное племя.

Позже мы узнали, что на этих землях живут также трудолюбивые и сообразительные энейцы, внешне похожие на небольших, вечно испуганных обезьянок.

Но самым мрачным и загадочным народом были гурцоры – раса исследователей Темного знания, оставленного давно исчезнувшей цивилизацией Изначальных.

Мы не смогли долго прятаться. Нас нашли и сделали обычными рабами. Здесь любой, у кого нет гражданства, мог стать рабом.

Наши дороги разошлись. Лисин и его подружка сумели сбежать от нового хозяина. Марго стала третьей женой в доме богатого чиновника, а Никита тайно выполнял всякие сомнительные поручения.

Петрович прислуживал гурцорам в подземных лабораториях, где те проводили жуткие и невероятные эксперименты, превращая людей в гомобов – злобных и безрассудных уродцев.

Студент попался в лапы вурдов и затем вообще пропал бесследно.

А мне, можно сказать, повезло. Меня заметил и выкупил достойный человек – Просвещенный магистр ре Аматис, агент Протектората Верховной Академии. Его дело показалось мне вполне благородным – он ездил по городам и землям, расследуя случаи незаконного использования Темного знания. Я стал его помощником.

Он рассказал мне о давно прошедшей войне между людьми и гурцорами. И о хрупком мире, который теперь поддерживался балансом между Темным и Истинным знанием.

Аматис разгадал главную тайну гурцоров – он выяснил, что они готовятся к новой войне. Меня же больше волновало, смогу ли я вернуться домой. Он обещал помочь всем, чем только может. Но не успел.

Он подошел слишком близко к тайному заговору гурцоров, и его убили. Убийцей оказался Никита Лисин, которого наняли, как обыкновенного киллера, за деньги. Его поймали и хотели казнить, а я не особенно и возражал бы – но нас и так было немного. Я решил взять его с собой.

Мне предстояло выполнить последнюю волю Аматиса – передать в Магистрату его рапорт о грядущей войне.

Мы выехали в Вантал, Столицу Мира. Я надеялся, что именно там – в Верховной Академии, где собрались самые умные и образованные люди мира, нам укажут путь, по которому мы сможем вернуться домой.

Глава 1

Вту ночь сон у Алики был какой-то душный и вязкий. До самого рассвета она словно тонула в болоте, с усилием выкарабкивалась, задыхалась, боролась на пределе сил.

Проснулась незадолго до общего подъема. Все было спокойно: на соседних кроватях мирно сопели девчонки, за окном брезжил болезненно бледный рассвет.

Она так и не уснула. Ее не оставляло чувство, что сегодня произойдет что-то нехорошее – кто-нибудь близкий умрет или станет навсегда несчастным. Хотя из всех близких на свете у нее только и были девочки из ее комнаты.

Через час на башне разразились бодрым звоном колокольчики, девчонки зашевелились, стряхивая остатки сна, и наконец повскакивали с кроватей.

Поднялась и Алика. Пока ничего особенного не происходило. Пробежка до умывальника, короткая разминка на площадке для танцев, завтрак в столовой под открытым небом... Все как всегда.

Что-то должно было произойти. Или уже произошло, но еще не открылось всем. Алика чувствовала это и по перешептыванию поваров в столовой, и по нахмуренным лицам учителей, и просто по едва уловимой тревоге, повисшей в воздухе невидимой пеленой.

Все стало ясно после утреннего часа здоровья, незадолго до начала занятий. Возле здания библиотеки Алика увидела целую толпу девчонок, которые молча стояли и на что-то смотрели.

Она подошла. На пожухлой, порядком вытоптанной траве выделялось пепельно-серое пятно размером, пожалуй, шагов пять в поперечнике. В самом центре земля просела, и, казалось, там уже блестит вода.

Алике стало так страшно, что первым ее желанием было бежать куда глаза глядят. Но она не ушла. Она так же, как остальные, молча стояла и смотрела.

Потом пришел старший воспитатель, он привел садовника с пучком колышков и мотком затрепанной, лохматой веревки. Они оба ворчали и говорили, чтобы девочки разошлись, однако никто не уходил. Впрочем, никто сильно и не настаивал.

Садовник принялся, кряхтя, вбивать колышки в землю и огораживать пятно веревкой. Делал с запасом: всем было ясно, что к завтрашнему дню пятно станет еще больше. А через четыре-пять дней доберется и до угла библиотеки.

– Что же теперь будет? – растерянно произнесла одна из девочек.

Эти слова словно разбудили Алику. Она развернулась и со всех ног помчалась не разбирая дороги. Куда угодно, только бы подальше от пятна.

Ноги привели ее в знакомый вдоль и поперек садик, где прежде она проводила бесчисленные часы с подругами, валяясь на ароматной траве, болтая о всякой чепухе, просто мечтая.

Сейчас здесь было пусто и тихо. Алика села на траву, сжав голову ладонями. Заросли пушистого кустарника отгораживали ее от посторонних. Алика знала, что с минуты на минуту начнутся занятия и что ее накажут за прогул, но ничего не могла с собой поделать. Ей требовалось побыть одной.

Впервые такое пятно она увидела одиннадцать лет назад, только не здесь, а на совершенно другом острове, название которого она даже не помнила. Хотя родилась там и прожила первые пять лет жизни.

Там был маленький уютный городок, дворик со скамейкой и качелями, мама и папа. Пятно, выросшее за одну ночь на улице, никого не испугало. Лишь когда оно разрослось и стало хлюпать, как болото, жители соседних домов забеспокоились.

Однажды ночью в пепельную трясиину ушел целый дом. Ушел быстро и неслышно, вместе с людьми. Никто этого даже не заметил и не услышал. Только переполошились утром, когда увидели на месте дома и части улицы огромный провал и безмолвную трясиину на его дне.

Лишь после этого жители поняли, насколько все серьезно. Пепельные пятна стали появляться повсюду, и росли они с ужасающей быстротой. Известия, что где-то утонул еще один дом или провалилась дорога, никого уже не удивляли, но заставляли бледнеть и переглядываться.

Эти новости всех безумно пугали. Большинству из обитателей острова бежать было некуда.

Самое страшное ожидало впереди. Сейчас Алика точно знала, что их остров умер не сам – его отравили. Именно поэтому он разрушился так быстро. Растерянные чиновники из префектуры даже помочь толком никому не смогли.

В одну ужасную ночь остров разломился пополам. Одна его часть, самая мертвая, сразу пошла ко дну – вместе с людьми, их домами и животными.

Вторая часть сильно накренилась на один бок, потом на другой. На городок вдруг, словно с неба, обрушилась лавина воды, которая в одно мгновение смела несколько кварталов...

...Алика до сих пор не понимала, как и почему она спаслась. Помнила только беспросветную ночь, безмолвную ледяную воду, скользкое бревно, в которое она вцепилась дрожащими озябшими руками. И еще – свой собственный беспомощный плач, жалобный и тихий, разносившийся над гладью воды.

Ей повезло, что подобравшие ее рыбаки не продали ее работоторговцам, а отдали первому же встреченному полицейскому. Про своих родителей с той ночи она уже никогда и ничего не слышала.

С той поры Алика боялась воды. Конечно, не той воды, что бьет веселым фонтанчиком из умывальника, и не той, в которой они с девочками устраивали стирку.

Она боялась большой воды. Ее страшила эта равнодушная и безжалостная масса, которая давит на человека со всех сторон, вытягивает из него тепло и силы, безмолвно пожирает его и смыкается над головой, скрывая все следы и память.

До сегодняшнего дня Алику отделяла от воды толща острова. Теперь же она чувствовала – вода подобралась близко, очень близко. И все это не к добру и не просто так.

...Через какое-то время Алику, тихо плачущую, нашел в садике лекарь-воспитатель ре Миго. Он поднял ее на ноги, чуть приобнял, погладил коротко стриженную голову.

– Мы не погибнем? – выдавила Алика, глотая слезы.

– Нет, девочка, конечно, нет. Не бойся. Остров умирает, и наша школа, конечно, закроется, но мы давно к этому готовы. О вас мы позаботимся.

Алика не выдержала и разрыдалась воспитателю в плечо. Она никак не могла себе представить, что весь ее мир – тот, в котором она провела больше десяти лет, – скоро уйдет в безмолвную глубину. Все эти садики и наизусть знакомые тропинки, и школа, и библиотека, и мастерские, и лекционный зал, и классы, и площадки для танцев, и башня с колокольчиками – все будет навечно покрыто холодной мертвой мглой.

– Я знаю, как тебе трудно, Алика, – говорил воспитатель. – Нам всем трудно. Готовься к новой жизни, у тебя все будет хорошо.

– Откуда вы это знаете, редре? – не могла успокоиться девушка.

– Я знаю тебя, а еще я знаю жизнь, милая. Ты справишься.

– Скажите, редре, а разве нашим островом нельзя управлять, как другими? Разве нельзя направить его к побережью материка – туда, где мелко? Он бы не утонул, а просто перестал быть плавучим...

– Нашему острову там никто не будет рад, Алика, – грустно улыбнулся Миго. – Да и не успеем. Ничего, милая, это должно было случиться. И мы все об этом знаем.

* * *

Накануне вечером девочкам позволили лечь спать на час позже. Но только для того, чтобы они успели приготовить чистую одежду к завтрашнему дню. Все поняли, завтра на острове будут гости.

Так и оказалось. Утром, вместо занятий по кулинарии, учениц выстроили на площадке у подножия башни. Воспитатели и учителя с довольно мрачным видом прогуливались поодаль.

По небу ползли тучи, было прохладно. Ветер трепал широкие рукава школьной одежды. Почти пятьсот молоденьких девчонок расположились тремя плотными шеренгами, ожидая, что им сегодня скажут. На стриженных головах – сине-зеленые платки, завязанные сзади специальным узлом – отличительный знак школы. Широкие штанины подвязаны шнурками – так удобнее бегать, танцевать, тренироваться.

Как и следовало догадаться, на остров прибыл старый наставник. Полного имени его Алика не помнила, да это ей и не было нужно. Учителя между собой называли его Ягло.

Он приезжал относительно часто. Бывало, в такие дни отменяли занятия – учителя собирались в столовой и вели со стариком долгие разговоры. А еще девчонки тайком смеялись над его бородой – она была с одной стороны совсем седая, а с другой – черная.

Случалось, что старый наставник беседовал с некоторыми ученицами. Воспитатели водили их к нему когда поодиночке, когда сразу по трое. Возвращаясь, девчонки только пожимали плечами: учитель просто расспрашивал их про житье-бытье, предлагал рассказать, чему они в последнее время научились. Довольно часто просил станцевать.

Никогда он никого не ругал и не поучал. Просто смотрел, как дела идут в школе, и затем тихо отбывал куда-то.

Сегодня он вышел перед ученицами, опираясь с одной стороны на палку, с другой – на руку своего помощника. Наставник был одет в серую мантию – небогатую и не очень новую.

– Приветствую всех, кто меня слышит! – голос его боролся с шумом ветра. – И вас, усердные воспитанницы Островной школы, и вас, мои добрые друзья, учителя и воспитатели.

Девочки негромко, но дружно ответили на приветствие.

– Вы уже знаете, что жизненный цикл нашего острова завершается. А значит, и то, что наша школа должна попрощаться с вами. Жаль, мы совсем немного не доучили вас, не передали вам все, что хотели. Знаю, что жизнь на острове и обучение состояли не из одних только радостей. Но очень скоро вы убедитесь – трудности были не напрасными. Жизнь за пределами острова не так проста, как здесь, а жители других земель не будут к вам так добры и благосклонны, как ваши учителя. Не хочу вас пугать, но знайте: многим из вас предстоит борьба. И к счастью, вы к ней готовы. Почти готовы.

Алика осторожно повела вокруг взглядом и вдруг заметила: некоторые девчонки плачут! У нее самой вдруг кольнуло в груди, но она сдержалась.

– Надеюсь, вы сохраните в своем сердце толику благодарности к тем, кто поделился с вами самым дорогим достоянием мира – Истинным Знанием. И еще – вы должны любить свою школу и друг друга. Любить всегда и сохранять верность при любых обстоятельствах. Покидая остров, вы обязаны оставаться одной семьей.

Это Алика знала. Про это воспитатели напоминали каждый день. «В любое время и в любой точке мира вы остаетесь одной семьей, кровными сестрами, верными помощниками друг другу».

– Занятий больше не будет. Первыми остров покинут самые старшие и самые опытные. Не забывайте, что вы уходите в большой мир не просто странниками, а гражданами Керии – земли Истинного Знания. Последний и важнейший шаг в своем обучении вы совершите в ближайшие дни. Это будет присяга Истинному Знанию. Именно для этого я здесь.

...День прошел бестолково и скомканно. Ошеломленные ученицы бродили по школе, обменивались пустыми фразами, многие плакали. Вообще разговоры не клеились. И вынужденное безделье рождало чувство безысходной пустоты.

Незадолго до ужина Алику нашел воспитатель.

– Идем, наставник будет говорить с тобой.

– Со мной?! Почему, о чем?

– Ты покидаешь школу уже завтра. В числе первых...

У Алики екнуло в груди. Сразу стало не по себе. Она даже не спросила, почему так скоро, ведь первыми собирались отпустить самых старших.

Наставник встретил ее в небольшой комнатухе на втором этаже гостевого дома. Кроме него, здесь был только помощник – угрюмый дядька с черной бородой и лохматыми бровями. Алика поглядывала на него с любопытством. Мужчин, которых ей приходилось видеть за последние десять лет, можно было пересчитать по пальцам.

Комнатенку освещала единственная химическая лампа, поставленная в угол. Длинные резкие тени на стенах, казалось, живут своей жизнью, паясничают, передразнивают людей.

– Алика... – проговорил старик, не поднимаясь с простой скамьи. – Та самая Алика, которая спаслась с затонувшего острова.

– Да, редре, – немного настороженно отозвалась девушка. Она заметила, что седины на его чудной бороде стало больше, она словно переползала на другую сторону.

– Ты, наверно, не очень любишь море – оно отнимает у тебя уже второй дом.

– Ненавижу, редре. И боюсь.

– Бояться не надо. Ты – храбрая девочка, я-то вижу. А вообще, любопытно...

– Что, редре?

– Ты сегодня первая, кто вошел сюда и не заплакал.

– Я уже наплакалась, редре. И вовсе я не храбрая.

Наставник обменялся с помощником насмешливыми взглядами. Потом подвинул к девушке круглую золотую коробочку с поднятой крышечкой.

– Знаешь, что это такое?

Алика бросила лишь один мимолетный взгляд.

– Да, редре, это «паутинка».

– И ты знаешь, для чего она?

– Она режет разные материалы, кроме некоторых, самых прочных. Ее можно бросить в лицо живому, и его голова развалится на части.

– И ты можешь это сделать? – вкрадчиво поинтересовался наставник.

– Не знаю, редре. Нельзя убивать живых, если они не причиняют тебе невосполнимого вреда.

– Так уж и нельзя?

– Смерть за смерть, редре, и только так. Нельзя убивать полицейских, если они хватают тебя. Потому что это их долг. Нельзя убивать грабителя, который нападает на тебя, – потому что для него это, может быть, единственный способ пропитаться. Нельзя...

– Постой, я понял тебя. Вот ты говоришь про грабителя. Если он нападет, что будешь делать?

– Убегу, – твердо ответила Алика.

– А если не сможешь? Если он тебя догонит?

– Если догонит... – Алика вдруг задорно улыбнулась. – Тогда я с ним станцую.

Наставник и его помощник одновременно рассмеялись.

– Ладно, верю, показывать не надо. Вижу, ты способная ученица. Воспитатель не зря говорил, что ты быстро схватываешь главное.

Он перевел дух и уставился на Алику очень внимательно.

- Уже знаешь, что завтра тебя ждет дорога?
- Знаю, редре, – странно, но на этот раз ее сердце никак не отозвалось на эти слова.
- Я расскажу тебе кое-что, это очень важно. Садись, слушай.
- ...Вечером, когда Алика вернулась в спальню, девчонки налетели на нее с расспросами.

Но она покачала головой и твердо произнесла:

- Мне нельзя ничего рассказывать. Наставник не разрешил. Он сам расскажет вам все, что надо.

Глава 2

– Просыпайся, дурик, всю красоту пропустишь!

Влад ткнул в бок спящего Лисина. Тот завозился, затряс головой, и наконец его глаза открылись.

– Ох ты... что это?! – таковы были его первые слова, когда он выглянул из кабины.

– Почти приехали. Вантал, столица Мира!

Машина катилась по широкой дороге, стекающей спиралью по огромному пологому склону. Вид, который открывался отсюда, просто ошеломлял. Большую часть обзора занимала водная гладь, уходящая за горизонт, – это была Чивара, самое большое озеро мира.

Сам город начинался от волнистой кромки огромной бухты, и с этого расстояния его дома казались сахаринками, рассыпанными по краю блюдца.

На дороге было оживленно. Что сразу бросалось в глаза, так это невиданное количество самоходов самых разных форм и размеров. В тех краях, откуда прибыли Влад и Лисин, куда чаще встречались простые повозки.

Город приближался, и становилось видно все большее количество деталей. Было очень много мостов и башен, не слишком высоких и все же притягательных для глаза. Здесь почти не было темного кирпича, который преобладал в других землях, и от этого город выглядел каким-то легким и праздничным.

Его размеры оценить было непросто – дальние границы тонули в дымке. Зато была видна огромная гора, в форме поразительно правильной пирамиды с ровно срезанной верхушкой. И чем ближе подъезжал самоход, тем яснее становилось, что это вовсе не гора, а какое-то сооружение, созданное, наверно, немыслимыми усилиями.

– Уважаемый, – Влад постучался в кабинку к механику. – Это и есть Роториум?

– Роторный центр стоит на вершине, – пояснил тот. – Вы его скоро увидите.

Спуск закончился, потянулись пригороды – склады, машинные дворы, фермы и закопченные фабричные корпуса. Техники на дороге стало заметно больше, механику частенько приходилось притормаживать, чтобы пропустить большие грузовые машины.

За поворотом открылся вид на устье широкой реки, впадающей в Чивару. Массивный каменный мост стрелой уходил к окраинным кварталам столицы. Здесь самоход неожиданно остановился.

– Проверка, – равнодушно сообщил механик.

К дверце самохода приблизились трое вооруженных гвардейцев. Под накидками угадывались тяжелые доспехи, огнеметы у всех троих лежали на сгибе локтя.

– Едете на праздник? – достаточно деликатно поинтересовался старший.

– По делам, – Влад не собирался углубляться в подробности.

– Вы нездешние, – заметил гвардеец. – Я должен попросить ваши приглашения.

Влад, не смущаясь, показал звезду магистра. Брови гвардейца удивленно шевельнулись. Он осторожно тронул звезду и обжегся, убедившись, что она настоящая.

– Добро пожаловать, редре, – сдержанно проговорил солдат. Затем кивнул на Лисина. – Этот человек с вами?

– Мой помощник.

– Дело в том, редре, что в период праздника нам приказано пускать только граждан Керии и лиц, имеющих специальные приглашения. Он гражданин?

– Нет, – честно ответил Влад после секундной заминки. – Но он мой помощник, и он мне нужен.

Гвардеец слегка нахмурился.

– Хорошо, редре, – решил он наконец. – Я пропущу его, но только потому, что он – человек и ваш слуга. Имейте в виду, что вас могут остановить и другие патрули.

Лисин, которому не понравилось слово «слуга», что-то буркнул.

– Спасибо, дружище, удачи тебе, – кивнул Влад. Потом смерил солдата взглядом. – А ведь вы тоже не местные?

– Гарнизонная гвардия обеспечивает безопасность праздника, – ответил солдат, почему-то понизив голос. – Нас свезли сюда из трех провинций.

– А вот это хорошо, – кивнул Влад и приказал механику трогаться.

– Теперь всем будешь говорить, что я твой слуга? – ядовито поинтересовался сержант.

– А я никому и не говорил, – чуть усмехнулся Влад. И добавил: – Это и так всем видно.

Через несколько минут за окнами уже проплывали первые городские кварталы. Столица была чем-то похожа на все города, виденные раньше, но вместе с тем и сильно отличалась. Все здесь было каким-то более насыщенным, многообразным и богатым.

У местных строителей, видимо, давно прижилась мода на башенки – их тут было великое множество. Даже скромные одноэтажные домики то тут, то там украшала надстройка с длинным шпилем. Некоторые кварталы из-за этого напоминали подушки для иголок.

А еще Вантал был первым городом, где строились дворцы. Помпезные башни, подножия которых занимали по целому кварталу, хоть и недотягивали до московских высоток и манхэттенских небоскребов, но все равно впечатляли.

Целый комплекс из таких дворцов возвышался на фоне серой глыбы Роториума. Влад уже знал, что это и есть Верховная Академия.

На подъезде к центральному кварталу их снова остановили гвардейцы. Здесь был устроен основательный пост, перекрывающий пять сходящихся улиц. Все кишело вооруженными солдатами.

– Дальше можно только вам, редре, – сказал Владу молодой гвардеец с коричневым шрамом на подбородке. – Проход к Академии строго ограничен. Приказ Магистра.

– Ясно, – вздохнул Влад, уже готовый к такому повороту. – Подскажи, где тут нормальная гостиница?

– Если вам для своих слуг, то в той стороне, через три квартала, есть очень недорогой гостевой дом. Только вам придется объезжать – там сейчас установлен концентратор, и все перегорожено.

– Что установлено? – не понял Влад.

– Концентратор! – обыденно повторил гвардеец.

– Поехали, – кивнул Влад механику.

Они и в самом деле легко нашли гостевой дом – скучное трехэтажное строение из серых блоков. Здесь Влад расплатился с механиком, после чего снял простой, но чистый номер.

И Влад, и Лисин могли позволить себе ночлег посolidней, но Влад решил, что им лучше быть незаметными. Дешевые гостиницы и многолюдные трактиры – лучшее место для того, кто хочет спрятаться в большом городе.

Через полчаса Влад уже спешил к Академии. Ему не терпелось встретиться с Великим Магистром. Времени оставалось совсем немного.

* * *

В приемном зале Академии Жизни было холодно и сумрачно, как в заброшенном бомбоубежище. Широкие массивные лестницы уводили в гулкие переходы, где гуляли стуки и шорохи.

Дежурный приват-магистр сидел за своим столом и что-то читал, изредка строго поглядывая на Влада.

Влад ждал, когда к нему выйдут. Он уже представился и сообщил, что прибыл для срочной встречи с Ларисом ре Чебреном. На всякий случай захватил все бумаги, которые выдал ему префект в усадьбе Аматиса. Пока понадобилась только звезда.

Его уверенности заметно поубавилось, когда он увидел, какая суета кипит в Вантале. Еще день назад ему представлялось, что он – носитель важнейшей миссии и перед ним откроются все двери. Теперь Влад ощутил себя всего лишь каплей в океане живых. Пусть даже чуть более крупной каплей, чем большинство.

А сейчас еще и это бесконечное ожидание в мрачном зале...

Наконец в одном из переходов застучали гулкие шаги. Влад встрепнулся. Он ожидал, что старый магистр сам выйдет к нему, но ошибся. По ступеням лестницы величественно спустился совсем еще молодой, но очень важный человек в белой мантии.

Неторопливо оглядев зал, он наконец заметил Влада и почему-то нахмурился. Влад поспешно вскочил к нему навстречу.

– Мне сказали, что прибыл Просвещенный магистр... – проговорил незнакомец, озадаченно морща лоб.

– Да, это как раз я, – не слишком твердо ответил Влад. И, спохватившись, показал звезду. Человек еще больше нахмурился.

– Вы очень молоды для такого сана, редре, – заметил он. – И вдобавок я никак не припомню вашего лица. Какая Академия присвоила вам сан?

– Никакая. То есть я хотел сказать, что... – Влад вдруг стушевался. Атмосфера главного учреждения мира его угнетала. – Я просил передать, что я от Просвещенного магистра Юна ре Аматиса...

– Но Аматис погиб! – удивился незнакомец.

– Да, а я теперь вместо него. Это он отдал мне свою звезду. – Влад понимал, что начал не с того и теперь несет околесицу, но никак не мог настроиться на связную и вескую речь.

– Отдал свою звезду?! – тут молодой человек просто выпучил глаза. – Вы говорите очень странные вещи, редре. Прошу вас, покажите мне звезду еще раз. И возьмите ее в руку.

Влад так и сделал. Недоверчивый собеседник потыкал ее пальцем, ойкнул и принялся дуть на обожженное место.

– Великий Магистр примет вас, – сказал он наконец. – Оставьте у дежурного оружие и следуйте за мной.

Влад был убежден, что сейчас ему предстоит целое путешествие по бесконечному лабиринту переходов в старинном здании, но оказался не прав. Была всего-то пара лестниц и светлый коридор с одинаковыми массивными дверями.

Перед одной из них снова пришлось ждать. Человек в мантии довольно долго беседовал с Чебреном, прежде чем Влада пригласили.

Он оказался в рабочем кабинете, уставленном шкафами с закрытыми створками. Что там хранилось – книги, свитки или образцы с раскопок, – оставалось только догадываться. Из украшений в кабинете имелась только грубо исполненная скульптура – человекоподобное существо, протягивающее к небу ладони.

Чебрен сидел за небольшим столом, его сложенные руки покоились на стопке пожелтевших бумаг. На нем было что-то вроде монашеской рясы из простой серой ткани. Длинные седые волосы были собраны в пучок на макушке, делая старика похожим на древнего азиатского вождя. Это не мешало ему выглядеть несколько по-домашнему, и никакого трепета перед лицом правителя Влад сейчас не испытал.

– Здравствуй, друг, – настороженно произнес старик, оглядывая Влада с ног до головы. – Помню тебя, виделся.

Его помощник не ушел, он тихо сидел в дальнем углу, держа руку в складках мантии. Влад был уверен, что там прячется какое-то оружие.

– Печально, что Просвещенный магистр ре Аматис не пришел с тобой. Настоящее горе для всех нас.

– И для меня, редре, – сдержанно кивнул Влад. Он ждал, когда ему позволят заговорить о главном.

– Так ты утверждаешь, что Аматис произвел тебя в Просвещенные магистры? – Чебрен прищурился.

– Именно так.

– Был ли он в себе в этот момент?

– Что? – Влад не сразу понял вопрос. – Ах да, конечно! Его волю подтвердили нотариус и местный префект. У меня все документы с собой.

Он сунул было руку в сумку, но Чебрен остановил его жестом.

– Не нужно, друг. Я верю тебе и воле покойного магистра. Но, видишь ли, его поступок несколько противоречит правилам Академии. Аматис мог передать тебе какие-то свои полномочия, но... Процедура посвящения в ученые не так проста. Я хочу сказать, что не гарантирую тебе сохранения звезды в будущем. Вряд ли Магистрат одобрит и утвердит этот статус за человеком, не имеющим за спиной никаких научных достижений.

– Мне плевать на звезду, редре, – набрался наглости Влад, которого уже начал раздражать этот подозрительный тон, да и тема разговора в целом. – Забирайте ее прямо сейчас.

– Вот как? – удивился старик. – Зачем тогда он тебе ее отдал?

– Только для того, чтобы я смог добраться до вас. – Мысли Влада наконец начали выстраиваться в относительно стройные ряды. – И рассказать о том, что ему удалось узнать.

– Хм... что ж, я тебя слушаю.

– Разрешите один вопрос, редре. Великий Магистр ре Фаустин доложил Магистрату о последнем сообщении Аматиса?

– Мм... – Чебрен неопределенно пожевал губами. – Видишь ли, друг, сейчас у нас очень напряженное время. Магистрат проводит по два-три заседания в день, и каждую минуту идут разного рода сообщения. О чем именно ты говоришь?

– О нападении на столицу Мира, которое произойдет в день запуска роторов.

– Было такое, – неожиданно быстро откликнулся помощник Чебрена. – Зачитывалось донесение о возможности провокационных акций со стороны последователей Черного солнца. Именно от Аматиса. Там еще говорилось, что основными участниками могут быть усоды-нелегалы.

– Н-да, припоминаю, – неуверенно кивнул Чебрен.

– Это все, что вам передали? – не поверил своим ушам Влад.

– Мы частенько получаем предупреждения о каких-то неведомых опасностях и угрозах. Часто сами темные распускают такие слухи и запугивают живых. А у тебя есть что добавить?

– Добавить? – Влад был ошарашен. – Это совершенно не то! Аматис говорил совсем о других вещах!

– Спокойно, спокойно, друг! И о чем же говорил Аматис?

– Редре, выслушайте меня! – Влад вскочил. – Я обещал Аматису рассказать вам все, что знаю, и я это сделаю! Если вы мне не поверите, вы предадите его!

Помощник вдруг поднялся из своего угла.

– Эй, парень! – он довольно враждебно посмотрел Владу в глаза. – Не забывайся. Ты разговариваешь с Великим Магистром. Тебя приняли в этих стенах только из уважения к покойному Просвещенному магистру.

– Простите... – Влад сел. – Я объясню. Разговор не о провокациях, а о самом настоящем нападении. Аматис подробно все рассказал Фаустину. По всей столице расставлены зеркала. На самом деле это комплексы для передачи материальных тел на расстояние. Поверьте, я сам попал к вам через такую установку. Их испытывали в котлованах, мы с Аматисом видели следы.

Там же мы встретили двух свидетелей, которые видели, как гурцоры перегоняли туда-сюда отряды вооруженных усодов. Один из свидетелей – Большой Беледин – вы должны его знать. Еще один человек сказал, что нападение намечено именно на день восхода Черного солнца. Запуск роторов станет началом гибели Вантала, это будет катастрофа...

Влад продолжал говорить, убеждать, при этом он порой путался и повторялся, но в целом был довольно убедителен. Когда он в пятый раз потребовал проверить все столичные площади с зеркалами, Чебрен его остановил.

– Довольно, друг, мы тебя поняли. Считай, что ты выполнил клятву, данную Ааматису. Скажи, он больше ничего не просил передать?

– Ничего.

– Точно? Ты не ошибаешься?

– Редре, мы разговаривали с ним всего пару минут. А еще через несколько минут он умер. Я помню все его слова, до последней буквы.

– Угу... – Великий Магистр задумался. Вдруг он повернул голову к помощнику: – Выйди!

– Но, редре... – растерялся тот, однако через секунду уже закрыл за собой дверь под непреклонным взглядом Чебрена.

– Значит, больше ничего? – старик заговорил вполголоса. – Он не просил, чтобы мы устроили тебя при Академии, дали содержание?..

– Нет. Только то, что я сказал.

– Ясно... – Чебрен подпер голову ладонями. – Ааматис был очень порядочным и самоотверженным человеком. И теперь я убеждаюсь, что ты искренен в своих желаниях помочь. Вы оба искренни. Но, видишь ли, это мало что может изменить. Запуск Роториума не будет отменен, это слишком серьезное событие. И зеркала с площадей не уберут. Любое необоснованное притеснение Темного Знания – минус в нашем влиянии на живых. Ааматисом двигали высокие чувства, но я знаю и другое – он был прежде всего солдатом. Хорошим солдатом, самым лучшим. А солдату всегда нужен враг.

– Что это значит?

– Я верю всему, что ты рассказал. И все же Ааматис мог сделать неверные выводы из своих наблюдений. Он всегда был излишне насторожен по отношению к темным. Потому и не стал ученым, а остался навсегда солдатом. Дипломатия – это не для него. В общем, боюсь, я ничего не смогу изменить в ходе грядущих событий. Вантал принадлежит не мне. И Магистрат тебе не убедить. Все слишком хорошо складывается, чтобы позволить никому не известному гонцу омрачить великий праздник Истинного Знания. Вот так, дружок.

Он поглядел на осунувшееся лицо Влада и усмехнулся.

– Не нужно заранее паниковать. Подумай сам – что может случиться в Вантале, в самом сердце земли Истинного Знания? Ты видел, сколько гвардейцев на улицах? Завтра их будет еще больше. И это еще не все, мы позаботились, чтобы праздник прошел по нашему плану, и никак иначе. Протекторат начеку, в городе сотни агентов. У нас есть средства, да такие, о которых темные и не догадываются.

Он вдруг поднялся.

– А хочешь узнать, как все это будет?

Чебрен вывел Влада на широкий балкон, увитый растениями. Отсюда открывался замечательный вид на город и на Роториум.

– Все рассчитано по минутам, – сказал Чебрен. – Темные ведуны и их малограмотные последователи надеются, что в минуту восхода Черного солнца произойдет нечто небывалое. Чуть ли не сами Изначальные спустятся с небес. Но они ошибаются. Произойдет совсем другое. К этому часу в небо на аэростате будет поднят специальный концентратор. Он получит энергию от Роториума и зальет город светом! Свет Истинного Знания победит мглу! Разве не убедительная победа?

– Красивая показушка, – пожал плечами Влад.

– Еще несколько концентраторов установлены в разных районах столицы. Пользоваться ими жители смогут буквально с первых минут. Освещать и обогревать дома, запускать машины... Ученые, гости из самых дальних филиалов Академии будут наблюдать за этим событием с галереи Дворца науки. Сразу после запуска роторов начнется ученая конференция, наверно, самая крупная в истории мира. У энергии Роториума есть много применений, а у просвещенного общества еще больше мыслей и идей об этом. Самые толковые предложения будут обсуждены и начнут немедленно воплощаться в реальности. В городе в это время будет идти праздник.

Старик замолчал, погрузившись в свои мысли. На лице его застыла мечтательная улыбка.

– А если все пойдет не так? – нарушил молчание Влад. – Если произойдет какая-то авария?

– Теперь, друг, это не наша с тобой забота. Протекторат знает свое дело. Аварии быть не должно, испытатели уверяют, что роторы прекрасно работают.

Через какое-то время он нерешительно добавил:

– Хотя... Опасения Аматиса понять можно... и нужно. Как бы то ни было, мы уже ничего не изменим.

Влад протяжно вздохнул.

– В таком случае у меня только одна просьба, – сказал он. – Разрешите мне быть неподалеку от вас, когда все начнется. Я обещал это Аматису...

Чебрен пожал плечами.

– Что ж, если Аматис тебе настолько доверял... почему бы и мне не поверить в тебя? Ты сможешь пройти к Дворцу науки, однако на галерею тебя не пропустят. Там будут только приглашенные гости. Что-нибудь еще? Могу устроить тебя в гостинице Академии, она в городе одна из лучших.

– Нет, это необязательно. Знаете, редре, я хотел бы осмотреть окрестности там, где пройдут основные события.

– Конечно, мы найдем тебе сопровождающего из числа студентов. Мой помощник все устроит.

– И еще... – Влад хотел сказать, что ему неплохо бы познакомиться с агентами Протектората, которые станут охранять Дворец, но передумал. Пожалуй, это будет уже слишком. – Спасибо вам, редре.

А у дверей вдруг кое-что вспомнил и показал звезду магистра.

– Я уже должен ее сдать?

– Пожалуй, не нужно, – махнул рукой Чебрен. – Пусть пока будет у тебя.

* * *

К вечеру Влад вымотался до предела. Ноги гудели, а перед глазами мельтешили дома, перекрестки, переходы, люди, усоды, энейцы, самоходы... Слишком много впечатлений для одного дня.

Он вернулся в гостиницу и грохнулся на кровать, не снимая сапог. Лисин, напротив, выглядел бодрым и отдохнувшим.

– Я думал, ты догадаешься что-нибудь сообразить насчет ужина, – изрек Влад.

– А я и догадался, – ухмыльнулся сержант. – Пока тебя не было, прошвырнулся вокруг, осмотрелся. В двух шагах отсюда чудесное заведение, я там уже отобедал.

– А заказать сюда ужин – никак? – поинтересовался Влад, у которого одна мысль о ходьбе вызывала боль в пятках.

– В этой ночлежке даже кухни нет, – махнул рукой Лисин.

Влад некоторое время размышлял, не послать ли сержанта в трактир, но потом эту мысль отверг. Обидчивый Лисин и так бесится всякий раз, когда его называют слугой. Незачем нагнетать.

Он собрался с силами и резким движением встал с кровати.

– Пошли!

– Как сходил? – спросил Лисин, когда они заняли столик в многолюдном зале с низкими потолками.

– Не очень, – кисло отмахнулся Влад. – Опять всем приходится доказывать, что я не псих и не аферист.

– А я тебе говорил. Не нужен ты здесь никому со своими добрыми делами. У них тут свои заморочки, вот пусть и разбираются.

– Я обещал, – отрезал Влад и отвернулся, задумавшись.

Несмотря ни на что, ему очень не хотелось расставаться со звездой магистра. Даже не со звездой, а с тем образом жизни, который давала близость к людям из Академии. Он понимал, что никакое другое дело или профессия не подведут его так близко к тайне, которую он так упорно пытается раскопать.

Если чины из Академии отлучат его от всего этого, останется один путь: идти на поклон к гурцорам, присягать их Черному солнцу и копать там.

Неизвестно, что из этого выйдет, но другого пути Влад не видел. Зато он видел студента Эдика в одежде темного ведуна, и это внушало некоторый оптимизм.

– Если тут ничего не выйдет, – проговорил Влад, – поедem домой.

– Куда-куда? – удивился сержант.

– На мыс Тан. В наш городок. Найдем студента, покумекаем... если только он захочет с нами разговаривать.

– Как это «если захочет»? Не захочет – заставим!

– Ты раньше времени хвост не распускай. Неизвестно, как там у него все сложилось. Как бы он сам тебя не заставил землю жрать.

Лисин презрительно хмыкнул. Эдик в роли большого человека представлялся ему с трудом.

– А вообще студента надо по-любому вытаскивать, – добавил Влад. – И еще отыскать бы Петровича...

– Про Марго не забывай.

К ним наконец подошел разносчик – невысокий, наголо стриженный мальчишка в просторных штанах и куртке, напоминающих спортивное кимоно. Влад заказал на двоих много мяса с овощами, потом вдогонку попросил еще грибного нектара – по настойчивой просьбе сержанта.

– Водки бы раздобыть, а? – с тоской произнес Лисин.

Влад только пожал плечами.

Мальчишку с ужином долго ждать не пришлось, уже через пару минут Влад заметил его в проходе с двумя подносами. Он спешил, ловко огибая посетителей, когда какой-то бородатый детина, судя по виду – сторожевик-наемник из торгового каравана – вскочил со своего места прямо у него под рукой...

Поднос взлетел к потолку, вращаясь и разбрасывая вокруг овощи с мясом. Второй поднос мальчишка спас, чудом удержав равновесие.

Большая часть ужина приземлилась как раз на детину, застряв в косматых волосах. Тот сначала стоял вылупив глаза и стряхивая с себя дымящиеся куски, затем словно взорвался.

– Ах ты, гаденыш! – он хватанул разносчика за шиворот и размахнулся.

Влад был уверен, что и второй поднос отправится в полет по трактиру. Да и сам мальчишка тоже...

Но то ли детина перебрал грибного пойла, то ли полы тут были сильно скользкие – по мальчишке он не попал. Наоборот, сам рухнул камнем, задев по пути затылком стол. Разносчик аккуратно пристроил уцелевший поднос на соседний столик и отскочил назад, ожидая продолжения.

Оно пришло в виде двух дружков бородатого наемника, которые, казалось, только и ждали какой-нибудь свалки. Они вскочили и, мешая друг другу, ринулись к мальчишке. Одновременно другие посетители сочли за лучшее оставить свои столики и отступить к стенам.

Разносчик ужом проскочил между двумя противниками, пробежав по третьему, и занял удобную позицию между двумя деревянными столбами, поддерживающими потолок. Удивительно, но, казалось, он совершенно не боится всю эту хмельную банду и подобные стычки ему привычны.

Бородач еще продолжал копаться на полу, скользя по обедкам и путаясь в плаще. Один из его друзей снял с пояса устрашающего вида кнут и теперь бочком подбирался к разносчику.

Парнишка не стал ждать удара, он подпрыгнул, ловко перескочил с одного стола на другой и с изумительной точностью приложил стопой противника в ухо. Перекувырнулся, подкатился ко второму и снизу врезал ему в пах пяткой. Снова откатился, оказавшись совсем рядом со столиком Влада и Лисина.

– Эй, пацан, может, помочь? – предложил сержант.

– Сам ты пацан! – огрызнулся мальчишка, даже не оборачиваясь.

– Ну, извини... мужик!

Разносчик тем временем схватил со стола деревянное блюдо и с задорным треском располовинил его о голову бородатого детины.

Все трое теперь барахтались на полу, мешая друг другу подняться. Со стороны входа грохали сапоги – в трактир уже прибыл полицейский патруль.

Мальчишка со скромным видом встал у стенки и дождался, пока всех троих вытащат из зала. Затем взял уцелевший поднос и, как ни в чем не бывало, поставил перед Владом.

– Простите, редре. Сейчас принесу вторую порцию.

– Красиво, – покачал головой сержант, провожая взглядом шуплую фигурку разносчика. – Прямо Джеки Чан! И откуда такие прыткие только берутся? Тоже, что ли, Темное Знание?

– Вряд ли, – ответил Влад, ковыряясь ложкой в тарелке. – Здесь всякие темные штучки не поощряют.

Разносчик быстро вернулся с новым подносом и поставил его перед Лисиным.

– Ты откуда такой резкий? – сержант фамильярно пошлепал его по угловатому плечу. – Где тренируешься?

– Не лапай! – мальчишка сбил его руку с плеча. – Давайте деньги, ешьте и проваливайте!

– О! Храбрый мальчик! – фыркнул Лисин.

– Сам ты мальчик... – бросил разносчик и оставил их.

– Послезавтра все начнется, – сказал Влад.

– Знаю. И что?

– То, что завтра нам придется побегать. Хочу еще раз осмотреть окрестности, да и тебе показать. Надо готовиться.

– Давай побегаем, не вопрос. А к чему готовиться?

Влад протяжно вздохнул.

– Не знаю. Теперь уже вообще не знаю. Если что-то и начнется, от нас двоих толку ноль – вот что знаю точно.

– И я это знаю. Потому и спрашиваю – какого лешего мы сюда приперлись?

– Обещал я, сколько раз тебе говорить!

– Да что обещал-то?

– За человеком одним присмотреть.

– Ну, и присмотрим, какие проблемы?

– Присматривать буду я один, тебя туда не пустят. Этот человек – Великий Магистр, между прочим.

– Ну, ты клоун! – Лисин рассмеялся. – За ним присмотреть совсем некому, да? Бедный, одинокий Великий Магистр... ходит по городу и всех боится. И тут – ты, великий и ужасный, пришел спасать слабых...

– Хватит чушь нести! – Влад саданул ладонью по столу. – Это мои дела! А твое дело – помалкивать и меня слушать!

– Да я слушаю, слушаю, – приутих сержант. – Только пока ничего не слышу.

– Значит, так... – произнес Влад после небольшого раздумья. – С утра я пойду в Академию. Тебе в этот день по городу лучше не болтаться, нелегалов тут не любят. Будешь сидеть в гостинице...

– Ну, с этим-то справлюсь, – усмехнулся Лисин.

– Подожди, это не все. Наймешь за углом самоход, лучше – быстрый. Пусть стоит и ждет поблизости.

– Может, лучше крилов? Оно как-то понадежней...

– Крилов? – Влад хмыкнул. – Нет, все-таки машину. И никуда не отлучайся, ждать не буду. Еду надо заранее припасти, и побольше. Вещи собрать. Чувствую, придется нам делать ноги... Все ясно?

– Не все. Извини уж, но ничего не ясно. Ты столько всего наговорил и сегодня, и вчера... А от кого удирать? Что будет-то? Кто-нибудь точно знает?

– Никто не знает, – проговорил Влад, глядя в пустоту. – А кто знает, у того не спросишь. Увидишь – сам поймешь, не ошибешься.

Глава 3

Всю ночь на улице слышались какая-то возня, скрип и бормотание. Перед рассветом Влада уже разобрало беспокойство, и он выглянул в окно.

Оказалось, что на залитых туманом улицах трудятся неугомонные усоды. Они натягивали веревки с флажками, развешивали ленты и красивые химические фонарики, чистили и поливали водой тротуары.

Гостевой дом хоть и являл собой скромное прибежище для слуг богатых путешественников, но стоял в центральном районе столицы, близко к Верховной Академии, и здесь наводили красоту особенно старательно.

Влад вернулся в кровать, но так и не уснул толком. Его разум занимался сейчас тем, что предавал совесть. Элементарная логика надоедливо твердила, что нечего Владу сейчас делать в Вантале, никакой пользы он уже не принесет – ни себе, ни Академии. И Лисина незачем было сюда тащить.

Единственное, что оба могли тут сделать, – это героически погибнуть во имя невятной, абстрактной цели. И то лишь в одном случае: если тут действительно случится что-то чрезвычайное.

А как раз в этом Влад уже начал сомневаться. Все те версии, которые так крепко и безапелляционно выстраивались Аматисом, так стройно и логично смотрелись издали, теперь стали зыбкими и ирреальными. Особенно на фоне того спокойствия, в котором пребывали чины из Академии. Влад чувствовал себя котенком, который пытается защитить хозяина от привидения.

И все же совесть сопротивлялась. Слово, данное Аматису, пока еще имело и силу, и власть над прагматичным разумом.

Кое-как позавтракав, Влад выбрался на улицу. Город все еще укутывал туман, наползший за ночь с озера. Лучи восходящего солнца вязли в нем. Двое прислужников из гостиницы стояли на углу и сетовали, что сегодня ничего не удастся разглядеть.

Влад зашагал по свежим, умытым улицам. Первое, что бросалось в глаза, это небольшие гвардейские патрули на каждом углу. Солдаты выглядели вполне доброжелательно, однако были начеку и смотрели вокруг себя весьма внимательно. И вновь слышался укор насмешливого разума.

«Кого ты собрался тут предупреждать и спасать? За кем приглядывать?»

Между тем туман таял, а улицы медленно, словно нехотя, наполнялись атмосферой праздника. До главного события дня оставалось часа два, Влад сейчас просто прогуливался и осматривался. На перекрестках появлялись лотки со сладостями и всякой праздничной мишурой, из трактиров несло чем-то пряным и жареным, где-то бухали барабаны, из дворов понемножку выбиралась праздная публика.

Особенно повеселила его стайка усодов, которые прошмыгнули прямо перед Владом из одного переулочка в другой. На всех были яркие бумажные накидки, а на хоботках – веселенькие бантики с колокольчиками.

Впрочем, веселье Влада было лишь мимолетным. Следующая мысль кольнула в самое сердце: кто поверит, что эти пугливые существа могут надеть доспехи, взять оружие и пойти в бой?

Все сразу показалось каким-то глупым, придуманным, ненастоящим – особенно собственные геройские порывы. На какое-то мгновение даже стало неудобно за Аматиса.

Тумана оставалось все меньше, и наконец стал виден обещанный аэропорт. Влад так и застыл на месте, задрал голову. И не он один.

Это была связка из четырех продолговатых баллонов огромных размеров. Они поднимались в небо, удерживаемые двумя пучками мощных канатов. Под баллонами висела платформа с оборудованием – просто большой ящик, черный на фоне неба.

Налюбовавшись, Влад отправился дальше и вскоре вышел на одну из городских площадей. Он пришел сюда не случайно – здесь находились большие зеркала. Как положено, они висели по кольцу на стенах окружающих домов. Вчера они показывали обычные случайные картинки, и Влад даже задержался в надежде снова увидеть студента или еще что-нибудь интересное.

Сегодня почему-то никаких картинок не было. Зеркала словно выключились. Или умерли. Никто в мире не смог бы ответить, какое определение тут больше подходит.

Влад перевел взгляд в центр площади. Там стоял лишь одинокий обелиск с неразборчивыми, почти стершимися письменами. Спрятать управляющий модуль телепорта явно негде.

И тут пришла мысль, которую Влад от себя вовсе не ожидал.

Он понял, что не хочет идти в Академию. Не хочет маячить с подозрительным видом и ловить снисходительные взгляды. Не желает быть темным пятном на фоне светлого праздника. Раз они такие самоуверенные, пусть сами о себе и заботятся, а ему надоело доказывать, что он не обуреваемый маниями страдалец.

Приступ малодушия удалось подавить почти сразу. Но все равно, теперь ноги несли Влада к воротам Академии не так охотно.

Он вошел со стороны Академии Материи. На пропускном пункте его остановили гвардейцы, сегодня их было втрое больше вчерашнего. В тени деревьев прятались два бронированных самохода. Офицер тщательно рассмотрел звезду магистра, правда, трогать не стал.

– Сдайте все свое оружие, редре, – вежливо предложил он.

– Как?! – оторопел Влад.

– Сегодня такой порядок. На выходе вы получите его обратно.

Спорить было бесполезно. Влад расстался с коротким огнеметом, который так хорошо прятался под плащом, с ножом и с дубинкой-усилителем. Больше при нем ничего не было.

Вслед за Владом через ворота проехали два самохода с каким-то важным гурцором, очередной темной шишкой, приглашенной на праздник, видимо, из самой Ширы. Машины остановили гвардейцы, и всю охрану точно так же вежливо и аккуратно разоружили.

Без оружия Влад ощутил себя раздетым. Он шагал по дорожке, обсаженной кряжистыми деревцами, и ненавязчиво осматривался. В самом деле, территорию стерегли. Гвардейцев и агентов в гражданской одежде было больше, чем фонарных столбов. Некоторые стояли в карауле на углах зданий и пересечениях дорожек, другие незаметно прохаживались за кустами или сидели в беседках, которых тут было великое множество.

Влад свернул на широкую аллею, которая вела прямо к Дворцу науки, и увидел еще двух важных гурцоров, которые неторопливо шествовали в окружении свиты. На мгновение Влада в очередной раз раздосадовала мыслишка, что он тут лишний, незванный и нежеланный гость...

И тут у него по спине прошел холодок. Он наконец понял то, что следовало заметить в первую очередь.

За два часа прогулки по городу он не встретил ни одного гурцора. Вчера их было полно, и детей, и взрослых. Сегодня – ни единого черного плаща, ни единой маски.

Если это случайность, то какая-то чересчур очевидная. Можно, конечно, предположить, что накануне триумфа Истинного Знания они все от стыда попрятались, но это уж совсем анекдот получается...

Почему же тогда гурцоры приехали в Академию? Означает ли это, что предполагаемый удар будет нанесен только по городским кварталам?

«Это означает, дубина, – проговорил вдруг внутренний голос, – что никакого удара не будет и никакой катастрофы не предвидится. А тебе надо в солдатики играть и не отвлекать серьезных людей».

Влад чуть было не развернулся и не пошел обратно. Но все же пересилил себя. Взялся – значит, держись до конца. А свое унылое настроение побереги на вечер...

* * *

Издалека Дворец науки чем-то напоминал американский Капитолий с его куполом и колоннами. Разве что был чуть поприместнее и попроще в плане украшений. Тыльную часть окружала пушистая роща из невысоких хвойных деревьев, в их тени по тропинкам прохаживались гвардейцы и полицейские.

Возле широкой лестницы парадного входа у Влада зарябило в глазах от обилия белых мантий, золотых лент, звезд и шевронов. Сюда стекались все приглашенные, и с каждой минутой их становилось больше.

Гости и хозяева обнимались, расшаркивались, обменивались приторно-радостными взглядами – как и везде, где вдруг собираются люди, формально объединенные чем-то общим, но прекрасно обходящиеся друг без друга все остальное время.

Впрочем, кроме людей, здесь было немало и энейцев, которые держались несколько обособленно. Что касается немногочисленных гурцоров, то и их приняли вполне достойно и приветливо.

Влад после некоторого раздумья перевесил звезду магистра на карман куртки – чтобы не выглядеть здесь совсем уж чужим.

Журчал фонтан, на столиках серебрились бокалы с напитками, из окон Дворца долетала спокойная музыка, похожая на перезвон хрустальных колокольчиков. Влад снял дорожный плащ и перекинул через плечо – становилось жарковато.

Он расположился чуть в стороне от праздничной толпы, в тени большой колонны. Здесь он оказался не одинок – большинство гостей сопровождали помощники, референты, порученцы и охранники. Все они также разбрелись в тени колоннады, прячась от припекающего солнца и не теряя из вида хозяев. Здесь же прохаживалась взад-вперед штатная охрана Академии – молчаливые люди в коротких белых плащах с синими полосами.

Влад пытался найти Чебрена, но разглядеть его среди двух сотен одинаково одетых людей было непросто.

Спустив с деревьев стайку мелких птиц, пропели трубы. Бело-золотое человеческое море пришло в движение – гостей приглашали подняться на галерею. В этот момент Влад наконец увидел Великого Магистра – он стоял на самом верху лестницы, окруженный небольшой группой то ли учеников, то ли почитателей. Его нагрудная звезда, отполированная и начищенная, висящая на внушительной золотой цепи, бросала яркие отблески. Бирюзовым огоньком на ней горел большой драгоценный камень.

Влад попытался подняться по лестнице вместе с научным обществом, но на самом верху его вежливо отфильтровала охрана. Путь на галерею был открыт только по именным приглашениям, для почетных гостей.

Влад остался на овальной площадке, окруженной мраморной балюстрадой. Сюда же перебрались все, кому не досталось звание «почетный». Здесь тоже можно было попить и перекусить, а вид на исполинскую пирамиду Роториума открывался ничуть не хуже, чем с галереи. Разве что защиты от солнца никакой.

А вот Чебрена увидеть с этого места было никак нельзя. Галерея находилась слишком высоко и почти не просматривалась.

Влад взглянул над собой. Солнце, чуть размытое из-за утренней дымки, поднималось как раз между куполом Академии чисел и массивной башней Академии материи. Легкие полупрозрачные облачка набегали с запада, но они вряд ли угрожали испортить зрелище.

Планета, которая должна была закрыть местное солнце, называлась Альда. У Влада не было случая выяснить, являлась ли она спутником или самостоятельным небесным телом. Она поднималась над здешним горизонтом очень редко, а случаев, когда она закрывала солнце, насчитывалось всего три в истории Мира. А в тех широтах, где стояла столица Мира, такого вообще никогда не видели. Впрочем, свою историю этот мир помнил не очень глубоко.

Повторно пропели трубы, и гомон на галерее начал стихать. В третий раз они должны были обозначить уже самое начало затмения. За движением небесной механики сейчас следили астрономы из башни Академии материи. Их сигнала ждали не только здесь, но и в Роториуме.

Влад знал, что и на улицах сейчас тысячи горожан подняли глаза к небу.

Это редкое событие не могло оставить кого-то равнодушным. Да и внимание к нему усиленно подогревалось с обеих заинтересованных сторон. Все знали, что сегодня произойдет что-то необычное.

Наконец третий сигнал. На этот раз невидимые трубачи исполнили что-то столь красивое и торжественное, что пробрало до костей. Влад и сам невольно расправил плечи.

Наступила тишина. Довольно долго ничего не происходило, и Влад поймал себя на глупой мысли, что темные силы вмешались в ход небесных тел и испортили затмение.

Потом вдруг со стороны роши задул прохладный ветерок. В следующую секунду дневной свет начал стремительно меркнуть...

Когда-то давно, в школьную пору, Влад смотрел на затмение через стекло сварочного шлема. В тот раз он так ничего не разглядел и не понял – затмение было неполным, и всемирная тьма не наступила.

Здесь же все было иначе. В течение каких-то секунд окружающий мир потерял краски, стал блеклым и неуютным, как старый угольный рисунок. Небо еще светило, но и оно неумолимо превращалось в серую простыню.

Все это производило достаточно пугающее впечатление, и в толпе наблюдателей прошел ропот.

Однако в следующую секунду послышались хлопки в ладоши, затем первые восхищенные возгласы, и наконец вся ученая общественность разразилась овациями и ликующими криками. Влад увидел – в небе под массивным корпусом аэростата вспыхнул лучистый белый огонек. Он разгорался, креп и вскоре уже выглядел как начинающий соперник солнца.

Вслед за этим из разных точек города в пасмурное небо ударили мощные столбы света – заработали наземные концентраторы. Пучок разноцветных лучей разрезал сумрак над плоской верхушкой Роториума. Все это выглядело и красиво, и необычно, поэтому радостные крики не прекращались минуты две.

А потом небо начало светлеть, мир насыщаться привычными красками. Солнце возвращалось. Из-под купола Дворца вновь загрели торжественные марши, ученые бросились жать друг другу руки и обмениваться впечатлениями.

На галерее начали распахиваться двери: гостей приглашали в амфитеатр Дворца, чтобы безотлагательно обсудить перспективы, открывшиеся перед миром живых.

Влад наблюдал за этим несколько минут, все яснее чувствуя, как огромна пропасть, отделяющая его от этих людей и от их интересов. И вновь сердце кольнула горькая мысль – как неуместен он тут со своими опасениями и подозрениями.

Ученые неспешно покидали галерею, исчезая в дверях Дворца, свита же сочла, что пора заняться напитками и закусками. Все шло своим чередом.

Влад постоял еще немного, наблюдая за кипением жизни, потом резко развернулся и зашагал к воротам.

Он шел и думал: а что же дальше? Сейчас он вернется в гостиницу, сообщит Лисину, что они зря проехали полмира. Потом они пообедают, погуляют по праздничному городу...

А что потом? Прийти к Чебрену через пару дней и попросить себе какое-нибудь занятие? А кому он нужен тут со своей липовой звездой и полным незнанием мира? А теперь еще и с подмоченной репутацией...

Или же пойти в Академию учиться? Интересно, возьмут?

Конечно, имея гражданство Керии, можно довольно неплохо устроиться в столице, да только не этого Влад добивался, совсем не этого.

У ворот он попросил гвардейцев вернуть оружие.

– Вы не остаетесь на праздник, редре? – удивленно спросил начальник поста, глядя на него снизу вверх.

– Дела, – хмуро проворчал Влад.

Ему показали на временный арсенал – кирпичную будку, прячущуюся в зарослях густого трехметрового кустарника. Энергичный гвардеец быстро нашел и вынес его вещи. Однако смотрел он почему-то не на Влада, а куда-то за его спину.

– Вы не знаете, что там случилось, редре? – спросил он. – Надеюсь, ничего серьезного?

Влад обернулся и первое время не мог понять, о чем его спрашивает солдат.

Наконец он увидел. На вершине Роториума выросал мощный столб дыма. Ветер подхватил его и превратил в еще небольшое, но тяжелое облако.

Влад выбежал на улицу, где кусты не мешали обзору. Не только он, но и все гвардейцы, а также большинство прохожих остановились и с тревогой смотрели, как на фоне неба расплывается уродливая черная клякса.

– Что случилось? Вы не знаете? – снова обратились к Владу, реагируя, видимо, на его звезду.

– Ничего страшного, думаю, – пробормотал Влад. – Какая-нибудь неисправность... Все ведь получилось.

Тут он обернулся, потому что сзади подлетел на взмыленном крыле офицер городской полиции. Он соскочил с животного и, подбежав к начальнику поста, что-то зашептал тому на ухо. Гвардеец-офицер слушал, и с каждой секундой его лицо вытягивалось. Он повернулся и жестом позвал радиста, дежурившего на броне самохода.

Влад наблюдал за этим с нарастающим беспокойством. Пожар в Роторном центре – это, видимо, была только половина новостей. Вторую он пока не знал.

– Отряд, ко мне! – крикнул старший гвардеец, встав в воротах.

Голос у него был отнюдь не уверенный и не командный. Скорее, испуганный. Влад вновь перевел взгляд на Роторный центр. Столб дыма не уменьшился, но и не вырос. В конце концов, если один из роторов дал сбой или даже взорвался, ничего в этом страшного. Но почему так всполошились гвардейцы?

Через мгновение Влад услышал крики. Вернее, он слышал их давно – весь город кричал и ликовал, но теперь в праздничном гомоне появились какие-то другие, пугающие нотки...

Он обернулся. Улица просматривалась метров на триста. Там, в самой дальней точке, бежали люди, целая толпа. Они не просто бежали, они неслись, не разбирая дороги, падая, летя кувырком и расталкивая друг друга. Они вопили от ужаса.

Влад всего мгновение рассуждал, что ему делать. Решение пришло само собой. Он повернулся и бросился обратно – в распахнутые ворота Академии.

Никто из гвардейцев-постовых не обратил на него внимания.

* * *

Очень быстро, преодолев обросшую кустарником дорожку, Влад выскочил на главную аллею. И лишь там остановился, вне себя от изумления.

Из окон Дворца науки валил черный дым. Слышалась стрельба. По лужайке разбегались насмерть перепуганные люди – не только гости, но и гвардейцы с охранниками.

Влад не сразу понял, что их испугало. Лишь через несколько секунд он разглядел, что среди людей мечутся какие-то твари – массивные, будто кабаны-переростки, но при этом невероятно быстрые. Они как-то поддевали бегущих, и те подлетали на несколько метров, падая на землю без движения.

Это была бойня. Память подсказала телевизионные сценки из испанской корриды, когда быков отпускают в панически бегущую толпу...

Влад невольно отступил, укрывшись за кустами. Осторожно извлек из чехла дубинку-усилитель, повел ею из стороны в сторону, ощутив знакомую мощную вибрацию.

Прямо на него выскочил один из перепуганных гостей – молодой ученый в изорванной мантии, скорее всего, приглашенный из далекой провинции. Влад схватил его за шиворот, встряхнул и крикнул в лицо:

– Что происходит?

– Пусти меня! Пусти! – визжал человек, отчаянно вырываясь. – Спасайся, они везде!

– Где Великий Магистр Чебрен?

– Пусти меня! – парень наконец вырвался, оставив в руках у Влада клочок своей мантии. Он с хрустом вломился в заросли, а через пару секунд вдруг послышался глухой удар, и Влад увидел, как тело в изодранной мантии, кувыкаясь, взлетело над кустами.

– О, черт! – Влада прошило холодом. – Они и впрямь везде.

Он несколько раз глубоко вздохнул, набрался храбрости и что было сил помчался к зданию Дворца, прямо по лужайке, навстречу обезумевшей толпе. Пробежав шагов сто и оказавшись на середине пути, он заметил неподалеку быстро движущуюся плотную группу охранников Академии в бело-синих плащах. Они явно вели кого-то, прикрывая собой, и этот кто-то мог оказаться одним из Великих Магистров.

Влад бросился к ним, но не пробежал и десяти метров, как в группу врезалось мощное стремительное тело, разбросав людей, словно кегли. Уцелевшие охранники принялись палить из огнеметов, но успеха это не имело.

Влад не успел и охнуть, как мимо него, едва не задев, пронеслась еще одна тварь и накинута на охрану. Образовалась настоящая каша из кричащих, изломанных, окровавленных людей, в которую Влад не рискнул соваться.

Он увидел, что трое охранников смогли организовать, они подняли на ноги какого-то человека и быстро потащили прочь, пока остальные уцелевшие стреляли и уворачивались.

Этот человек не был Чебреном. Влад помчался дальше. Он уже видел, что лестница и пространство перед ней густо усеяны телами. Белые мантии напитывались кровью, ветер трепал золоченые ленты. Раненые истошно кричали, призывая помощь. Неподалеку спокойно паслись две твари, клыками выдирая внутренности из мертвецов.

Влад только теперь смог разглядеть их. Они ни на что не были похожи. Словно неумелая рука вылепила из глины туловище, подобие головы, кривые мощные лапы. Местами тело покрывала длинная жесткая щетина, кое-где она облезала вместе с кожей, как старые обои.

Влад был весь напряжен от пяток до макушки, он был готов в любой момент обрушить на зверюгу свою дубинку, но твари почему-то им не интересовались. Возможно, были уже сыты кровью.

Не упуская их из вида, Влад тихо, без резких движений прошел к лестнице. Он не знал, что делать. Искать Чебрена среди трупов было попросту опасно – местность кишела чудищами. Да и не было никакого толку искать мертвого магистра.

Среди живых – где они, эти живые?..

Лестница была скользкой от крови. Влад поднимался, поглядывая по сторонам и прислушиваясь.

– Уходи... – прохрипел кто-то прямо под ногами.

Влад шархнулся в сторону, едва не наступив на мертвеца с переломленной спиной. Потом оглянулся, присел на корточки.

Он узнал этого человека – они стояли рядом в толпе, когда начало меркнуть солнце. Даже перебросились парой фраз.

Сейчас у него была разбита голова, не просто разбита, а смята, как шарик для пинг-понга. Странно было, что он еще в сознании.

– Уходи... – его всего трясло, зрачки бегали, изо рта текла кровавая пена.

– Где Чебрен? – спросил Влад. – Ты знаешь его? Он жив? Ты видел, где он?

– Уходи... – взгляд незнакомца вдруг остановился где-то за спиной Влада.

Тот медленно обернулся. С верхних ступеней лестницы на него смотрело существо, которое он прежде никогда не видел. С первого взгляда оно напоминало лысую обезьяну, коротконогую, с необычно мощными руками. На каждой – два пальца с огромными когтями. Не пальцы, а крючья. И при этом – совершенно человеческое лицо, только челюсти гораздо крупнее.

Больше Влад ничего не успел рассмотреть, поскольку тварь беззвучно прыгнула на него.

Влада спасло только одно – на окровавленном полу ноги чудовища пробуксовали, и прыжок получился не слишком ловким. Бестия приземлилась на все четыре конечности с недолетом, Влад увидел перед собой ее макушку и, недолго думая, врезал по ней дубинкой.

Удар отозвался болью в пальцах. Тварь с хрустом шарахнулась мордой о ступеньки, пронзительно завизжала и попыталась вскочить. Но когти-крючки зацепились за ремень лежащего рядом мертвеца, чудовище потеряло пару секунд, пока дергалось.

Владу хватило этого, чтобы выхватить огнемёт, с размаху воткнуть его твари в рот, ломая зубы, и выстрелить.

Выстрел, больше похожий на взрыв, практически оторвал «обезьяне» голову. Тело еще билось в конвульсиях, когти скребли по ступенькам, а Влад уже бежал вверх по лестнице.

Он увидел двери амфитеатра, выломанные вместе с частью стены. В проломе клубился дым или пыль, сильно несло паленым.

Полы на галерее почти не просматривались, все было завалено трупами и залито кровью. Влад считал себя не слишком впечатлительным, но на мгновение его замутило. Он схватился за шершавый бок колонны.

И старый знакомый, дятел, запоздало начал хлопать крыльями над головой.

«Какого черта?! – Влад вдруг ощутил неожиданный прилив злости. – Я их предупреждал? Да! Меня кто-нибудь послушал? Нет! Так чего я буду теперь ради них подставляться? С какого перепугу я должен рисковать из-за чужой тупости?..»

Он попытался успокоить себя. Живой Чебрен был нужен прежде всего ему самому, а не чужим абстрактным ценностям. Великий Магистр был сейчас единственной серьезной зацепкой, позволявшей Владу не скатиться к прежнему положению бродяги и ничего не понимающего чужака.

Из колонны был выбит массивный кусок, обломки валялись тут же. Кто и чем это сделал, оставалось загадкой – след походил на пробойину от пушечного снаряда.

Сложно было представить мясорубку, которая творилась тут всего несколько минут назад. «Но гораздо сложнее, – подумал Влад, – в такой мясорубке выжить».

Его охватило отчаяние. Искать среди этого крошечного ада единственного человека, которого, наверно, и в живых уже нет, уже казалось безнадежным делом.

Влад вдруг ощутил на себе чужой взгляд. Он быстро обернулся и успел увидеть – какой-то человек, лежащий у перевернутой мраморной вазы, украдкой смотрел на него.

Он моментально опустил глаза, но прятаться было поздно. Влад перехватил поудобнее дубинку и осторожно подошел.

– Эй, ты цел?

Человек испуганно кивнул. Это был совсем молодой парень в обычной гражданской одежде. Куртка его густо пропиталась кровью, но, очевидно, чужой.

– Они все погибли... – забормотал он. – Я все видел! Все видел! Эти твари просто с неба свалились. Никто не убежал, никто не успел и шагу ступить... Я спрятался...

– Тише, тише! – Влад хлопнул его рукой по плечу. – Я ищу Чебрена, Великого Магистра. Ты знаешь его?

Парень замотал головой. Его трясло, слова давались ему с трудом.

– Он самый старый из Великих Магистров. Вспомни!

– Я видел, охранники завели во дворец какого-то старика. Только не надо туда ходить... не надо. Там... там...

– Ну, что там? Почему не надо?

– Не надо, не надо!!! Лучше помоги мне выбраться. Нам надо хорошо спрятаться, пока все не кончилось. Они ведь должны навести порядок? В городе полно военных, и вообще...

Влад поднялся, не забыв внимательно посмотреть по сторонам.

– Ладно, с тобой все ясно. Лучше будь здесь и не отсвечивай, понял? Военные разбегаются кто куда, никаким порядком и не пахнет.

Он повернулся и направился к пролому в стене, где по-прежнему клубилась пыль.

– Не ходи туда! – простонал парень ему вслед, но Влад уже не слушал.

* * *

Он оказался в просторном холле, слегка затянутом дымом. Здесь не было видно мертвых, однако по полу тянулось несколько жутковатых кровавых полос.

Слышался какой-то скрежет и грохот, пол чуть вздрагивал. От дыма глаза быстро начали слезиться, и Влад решил сократить разведку до минимума.

В распахнутых дверях амфитеатра он резко остановился, подавив желание немедленно броситься назад.

Огромная чаша зала заседаний лежала в руинах. Все было выворочено, оторвано и перемешано – старинные кресла в красном бархате, обивка стен, портьеры, ковры, обломки рухнувшего потолка, разбитые статуи, массивные шкафы из темного дерева...

Посреди этой разрухи, в облаках дыма и пыли, неуклюже передвигались два существа, один вид которых вызывал желание быстрее бежать не оглядываясь.

Они походили на козловые краны – такие же высоченные, могучие и неповоротливые. Четыре суставчатых ноги подминали перевернутую мебель, как бумажные коробочки. Тело – кривое и бесформенное – выглядело как дешевый беляш с привокзального рынка. Цвет кожи также наводил на мысль о чем-то пережаренном.

Влад заметил момент, когда чудовище ненадолго застыло на одном месте, чуть присело – и выстрелило непомерно длинным языком, как экзотическая ящерица, хватаящая муху. Раздался крик, в воздух полетели обрывки белой мантии, на стену брызнула кровь...

Только теперь Влад осознал, что в горах обломков то тут, то там белеет одежда мертвых ученых. Оценить их число было невозможно, порой было неясно, где два человека, смятые в один комок, где – один, порванный на части.

Другой монстр вдруг поднял лапу и одним движением обрушил длинный балкон. Снова кто-то закричал, в воздухе мелькнули парадные белые одежды, затем пришел в действие стреляющий язык...

Наверху вдруг что-то заискрило, как неисправная проводка. Влад пробежался взглядом по балконам и наконец увидел – в зале были установлены зеркала, двухметровые, не меньше двух десятков. Все они были перегоревшими, только два или три еще мерцали уцелевшими сегментами.

Теперь уже не оставалось сомнений, откуда на Академию свалилась орда чудищ...

Один из «ходячих беляшей» в этот момент повернулся к Владу задом и принялся долбиться головой в стену, вероятно пробивая проход из здания. Голова-шишка, обросшая мощной костяной оболочкой, работала как исполинский таран, стены тряслись и осыпались, с потолка тоже валились куски. Зал еще больше затянуло пылью.

Влад поспешно отскочил, на него посыпались какие-то камни, не такие уж маленькие.

Он понял – пора уходить. Нечего и думать, что в этом хаосе можно отыскать человека и при этом уцелеть самому. Влад вернулся к выломанным дверям, но тут же отпрянул назад – в нескольких шагах рыскали два зверя, вынюхивая что-то и копаясь сплюснутыми мордами в одежде погибших.

Влад очень тихо, на цыпочках, заторопился вдоль стены к следующей двери на улицу. Он уже почти добрался, как вдруг раздался грохот и небольшая боковая дверь, на которую он прежде не обратил внимания, вылетела из петель, ударившись о противоположную стенку.

Вместе с ней вылетел человек в окровавленной одежде. Он проехал метра три по полу, оставляя кровавую полосу, и замер без движения. Оцепеневший Влад с трудом опознал на нем форму охранника Академии.

Почти сразу из прохода показалась уродливая голова, обросшая шипами и наростами. Зверь издавал то ли хрип, то ли бульканье. Медленно и с трудом он выполз в холл, и лишь тогда стало видно, что у него перебита спина.

Влад стоял ни жив, ни мертв, выглядывая из-за колонны и готовясь что есть сил двинуть монстра дубинкой, если тот попытается приблизиться.

Но чудовище не проявило к нему интереса. Оно завалилось набок и какое-то время перебирало в воздухе мощными когтистыми лапами, словно рвало невидимого противника. Ворчание становилось все тише, наконец прекратилось. По неровному, словно обгрызенному, боку крупной рябью пробегали судороги.

И в этот момент Влад увидел, что между шипами, колючим пучком торчащими на загривке зверя, что-то золотисто блестит...

Он вытер о штаны вспотевшие пальцы, перехватил дубинку и мелкими шагами начал приближаться.

Это была цепь – золотая, массивная, с изящной чеканкой и серебряными вставками. Один оборванный конец свободно болтался, второй был придавлен брюхом зверя.

Набравшись храбрости, Влад осторожно вытянул руку и потащил цепь на себя...

Через секунду он увидел звезду магистра – большую, замысловато украшенную, с бирюзовым камнем в центре.

Влад перевел взгляд в проход, откуда вылетели человек и зверь. Там было темно, виднелась только широкая лестница, ведущая вниз. После секундного раздумья он нерешительно направился туда.

Спустившись по лестнице, Влад попал, видимо, в лабораторию – невысокий зал, по краям которого стояли широкие столы с какими-то сосудами и приборами. Добрая часть их была повалена, в воздухе висел едкий туман, ноздри щипало. Зато не было удушливого дыма.

Свет давали тусклые химические лампы в углах. Влад разглядел два неподвижных тела на полу в центре зала.

Он прошел вперед, готовясь к любым неожиданностям. Остановился около лежащего человека. Его голова была разбита и изуродована до неузнаваемости. Пальцы еще сжимали дубинку-усилитель, такую же, как у Влада, разве что помассивнее. Бело-синий плащ охранника, изодранный в клочья, валялся чуть поодаль.

Второй мертвец также был охранником, Влад увидел это издалека и не стал подходить.

Послышался какой-то шорох. Влад присел, стремительно обернулся и увидел еще одного человека. Он сидел в темном углу, привалившись к стене между лабораторными столами, безвольно откинув голову назад.

Подойдя ближе, Влад с облегчением перевел дух.

Он нашел Чебрена. И тот был жив.

Глава 4

Наблюдать за праздником из окна гостиницы было, по меньшей мере, скучно. С другой стороны, болтаться по ликующим улицам одному – тоже мало веселого.

Собственно, никакого праздника Лисин и не видел. На той улице, куда выходили гостиничные окна, почти ничего не происходило.

Чтобы посмотреть затмение, сержант вышел во двор. Кроме него, тут были два прислужника-энейца с метлами, какой-то оборванный старик в идиотской клоунской одежде да еще механик, хозяин самохода, которого Лисин нанял утром на площади неподалеку.

Затмение не произвело на Лисина большого впечатления. Возможно, потому, что общегородской восторг, радостные крики – все это было где-то далеко отсюда. В темном гостиничном дворе просто ненадолго померк свет, вот и все.

Разочарованный Лисин пережил недолгую борьбу с собой, потом сунул одному из энейцев несколько мелких монет и велел принести ему в номер хорошего грибного нектара, а еще что-нибудь пожевать, лучше всего сушеного мяса.

Еще пару минут он понаблюдавал за фейерверком, который запустили с одной из ближних площадей, но и это зрелище было довольно убогое.

Вернувшись в комнату, он уселся у окна и представил, чем сейчас занимается Влад. Наверно, ходит и раскланивается среди важных господ, заводит полезные связи и сверкает своей побрякушкой на груди.

Сержант очень слабо верил, что они вообще могут найти путь домой. И не понимал, почему в этом так уверен Влад. Ну да, что-то случилось, пронеслась гроза и буря, сдвинулось время, перевернулось пространство – все это можно было худо-бедно представить.

Но как заставить это время с пространством вернуться на место – совершенно другой вопрос. Для Лисина это представлялось примерно такой же непосильной и нереальной задачей, как собрать и вернуть в рабочее состояние уже взорвавшуюся гранату.

Подобные размышления не слишком утомляли его. Ответственность и управление уже взял на себя Влад – вот пусть он и ломает себе мозги...

Прислужник-энеец вернулся очень быстро и застыл в дверях, прижимая к тщедушной груди пакет.

– Вот молодец! – порадовался Лисин. – Выношу благодарность от лица всего Истинного Знания! Сдачу себе оставь.

Энеец почему-то продолжал неподвижно стоять в дверях и пялить глаза.

– Ты чего, окаменел от радости? – поднял бровь Лисин. – Давай пойло и иди отсюда!

Не дождавшись, он встал сам и выхватил пакет из рук энейца. И в этот момент вдруг понял, что прислужник чем-то напуган. И не просто напуган, а буквально потрясен – в глубине его больших грустных глаз тлело нечто такое, от чего Лисину и самому стало вдруг не по себе.

– Ты чего? – захолопал глазами сержант, чуть отступив.

Энеец повернулся и пулей вылетел в коридор, не закрыв двери.

– Сам черт не разберет этих мартышек... – проворчал Лисин.

Он вернулся к окну и набулькал полкружки эликсира, чтобы немного оживить процесс наблюдения за скучной улочкой.

В следующую секунду кружка выпала у него из рук и разлетелась на куски. Лисин потрясенно застыл у окна, глядя вниз.

На улице больше не было праздно гуляющих прохожих, лоточников – никого. Прямо под окном лежали в огромной луже крови двое полицейских, казалось, по ним проехал дорожный каток. Еще нескольких человек сержант увидел на другой стороне улицы – все неподвижные и изуродованные.

Там же валялся на боку нанятый им самоход. В здании напротив зияла огромная дыра, словно туда угодила бомба. Там еще клубилась пыль... Лисин смотрел и силился понять: когда беззаботный и уютный городской уголок успел превратиться в бойню?

Он вспомнил, что слышал какой-то грохот перед приходом энейца, но списал его на фейерверк. И еще крики... Ну, уж крики в городе стояли с самого утра – он уже привык, что поблизости вопят и голосят...

Он только теперь понял, что тональность городского шума заметно изменилась. И ликования нет и в помине...

Он не успел ничего придумать или решить, как вдруг стекло перед его лицом разлетелось вдребезги. Лисин отлетел и упал навзничь, но тут же вскочил.

В его окно просовывалась уродливая кривая лапа размером с ковш небольшого экскаватора. Еще секунда – и стена хрустнула, начала отделяться от дома, вокруг все затрещало, посыпались какие-то щепки, камни, потоки пыли...

Сержант и сам не заметил, как скатился по лестнице и пулей выскочил на улицу. Он боялся даже обернуться – он просто неслся что есть сил подальше от этого места.

Теперь он видел, что вся улица пуста, а через каждые десять-двадцать метров лежат трупы горожан в праздничных одеждах.

Он вдруг резко остановился. Впереди темнело уже знакомое ему здание Палаты точных измерений – кирпичная коробка с целой гроздью незамысловатых башенок на крыше.

Сейчас по этим башенкам ползала какая-то тварь, напоминающая сплюсненного краба. Трещали стены, сыпались стекла и черепица – тварь шуровала клешнями внутри здания.

Лисин вновь опустил взгляд и чуть не подпрыгнул на месте: прямо на него неслась свора гомобов. Вернее, это были не гомобы – эти твари были куда массивней и выглядели несколько иначе, но настоящего их названия Лисин не знал и узнавать не собирался.

Он уже неслся по перпендикулярной улице, с ужасом понимая, что соревнование в скорости с резвыми тварями он вряд ли выиграет. Никакого оружия с собой не было, все вещи остались в гостинице. Разве что небольшой нож, но им даже кошку не напугаешь.

Сержант углядел открытую дверь в каком-то здании, нырнул в нее, захлопнув за собой, затем пролетел здание насквозь и оказался в небольшом, густо заросшем кустами двореке.

Он присел на колени, прислушался. Вроде никто его уже не преследовал. Где-то вопили люди, но не здесь, а в соседних кварталах. Еще слышался какой-то навязчивый, непрекращающийся скрежет, который отдавался эхом и налетал, казалось, сразу со всех сторон.

Лисин вдруг понял – это вовсе не скрежет, а голос. В городе заработали громкоговорители – основное средство массовой информации Вантала.

Сержант вслушивался несколько минут, но разобрать смог только малую часть. Впрочем, этого хватило, чтобы понять общий смысл.

«...просим соблюдать... не покидать дома... в результате аварии в Роторном центре... делается все возможное...»

И еще почему-то часто упоминался Усодан. Лисин совершенно не понял, при чем тут Усодан, но его это и не особо беспокоило. Пусть сами разбираются...

Он думал, что хорошо бы сейчас найти маленький тихий подвальчик с крепкой дверью и побыть там, пока отцы города не выполнят обещанное «все возможное». Пока он бежал, ничего похожего на глаза не попало. А искать – это все равно что нарочно нарываться на неприятности.

В центральной части города почти не было укромных уголков, это он еще в первый день заметил.

О том, чтобы возвращаться в гостиницу и ждать Влада, вообще не могло быть речи. Сержант просто начинал трястись, когда вспоминал навестившую его гигантскую клешню...

Над головой вдруг раздался какой-то треск. Сержант рефлекторно вжал голову в плечи, еще больше присел и лишь потом поднял глаза.

Он почти сразу разглядел тварь, сидящую в густой кроне. Она была ни на что не похожа: казалось, в одном котле смешали обрубки человека, свиньи, паука и варана, а потом слепой хирург наугад сшил все это вместе.

У адского создания было шесть рук, тошнотворно похожих на человеческие. Они же были, наверно, и ногами. И что самое мерзкое – абсолютно человеческая голова. Слышалось чавканье и урчание – тварь что-то жрала. Скорей всего она только что перепрыгнула на это дерево с ближайшей крыши.

Сержант, превратившись в невесомое перышко, чуть подался назад. Потом с величайшими предосторожностями переставил ногу, подвинулся еще на сантиметр. И так пока не оказался в здании, через которое только что проскочил.

Внутри, малость осмелев, он быстренько преодолел коридор и выглянул на улицу. Было тихо и пустынно, гомобы-переростки уже усаkali на поиски новых жертв.

Отсюда были хорошо видны башни Академии, над ними растекалось облако черного дыма. Сержант нахмурился – он вдруг понял, что и Владу сейчас, быть может, совсем не сладко. Если только о нем не позаботились всемогущие образованные хозяева.

Лисин уже вышел из здания и задержался на секунду, чтобы выбрать направление, когда за спиной что-то чавкнуло. Звук был вовсе не страшный, и Лисин обернулся даже без особого испуга.

Он увидел, что через разбитое окно на него глядит какой-то человек. Лицо было странным – лысая приплюснутая голова, огромные зрачки, кривые длинные зубы, выступающие из-под неплотно сомкнутых губ...

Показались две руки, они обхватили раму, и голова выдвинулась чуть вперед из окна. Потом показались еще две руки...

– Вот черт! – завопил сержант и помчался по улице, не дожидаясь, пока вылезут оставшиеся конечности.

Он жалел, что не прихватил в доме никакого оружия, даже крепкой палки не нашел. Пробежав метров пятьсот и порядком запыхавшись, он обернулся.

И убедился, что шестиногая тварь увязалась за ним. И она была не одинока, чуть позади нее двигались еще две! Они скакали, отталкиваясь по очереди всеми парами конечностей. Получалось у них не очень быстро, но слаженно и уверенно. Они в общем-то и не отставали.

Лисин понесся дальше. Он не знал, что ему делать, – бег быстро сжигал силы, а уродливые гадины брали его измором. Если он никуда не спрячется, они просто дождутся, пока он выбьется из сил. Или, еще хуже, столкнется с какой-нибудь другой сворой.

Боковое зрение отметило какое-то шевеление слева. Сержант взглянул лишь мельком – и его обдало холодом. С этой стороны стояли приземистые одноэтажные особнячки с плоскими крышами. И по этим крышам сейчас мчалась одна из руконогих тварей – мчалась с обезьяньей ловкостью, обгоняя Лисина!

Впереди просматривался большой перекресток, в центре которого лежала перевернутая повозка и растекалась кровавая лужа. Кровь была не человеческой – тут же неподалеку лежал мертвый чап, практически разорванный пополам.

Лисин уже выдыхался. Еще немного, и ноги сами собой подогнулись бы. Он собрал остатки воли, подскочил к повозке и подобрал какую-то жердь, выпавшую на дорогу.

«Все... все... все... – стучало сердце. – Теперь до последнего...»

Первая тварь прыгнула на дерево и принялась с безопасного расстояния оценивающе рассматривать сержанта, по-птичьи поворачивая голову. Остальные две нехотя остановились шагах в двадцати. Вернее, просто замедлились. Маленькими, почти незаметными шажками они приближались.

Сержант раскрутил тяжелую палку и сразу понял, что долго так махать не сможет. Легкие рвались на части, горячий воздух бил в них, как молот, не принося облегчения. Да и руки цеплялись за сухое дерево, сжигая последние капли сил.

Твари настороженно приближались, по-паучьи перебирая лапами. Иногда замирали, поднимались столбиками, не сводя с Лисина пустых рыбьих глаз, и снова принимались подползать.

Сержант откинул полу куртки, проверил, что до ножа легко дотянуться. В ту же секунду обе твари вдруг припали к земле и зашипели. До них было уже три-четыре метра.

«Ну, все...» – мелькнуло в голове.

Первая бросилась на него почти сразу. Правда, сделала это как-то лениво и словно без желания. Наверно, просто устроила разведку боем. Лисин отмахнулся своей жердью и даже, кажется, слегка задел ее.

Тварь на дереве начала бесноваться – она то прыгала по веткам, то соскакивала на землю и делала движение в сторону сержанта, затем начинала остервенело чесаться, потом снова пряталась в кроне. Это здорово нервировало, но Лисин старался не отвлекаться.

Он слизнул сухим языком пот с губ и чуть присел, готовясь чуть что отскочить.

Шестирукие уродцы догадались сменить тактику – теперь они принялись бродить вокруг него, делая короткие неуверенные броски. Спустя минуту к ним присоединился и третий член стаи с дерева. В центре этого зловещего хоровода сержанту стало совсем нехорошо.

Было ясно, что при первой же серьезной атаке он ничего не успеет сделать со своей неповоротливой палкой и не сможет быть ни быстрым, ни сильным...

– Держись, – прозвенел вдруг рядом высокий мальчишеский голосок, и в тот же миг кто-то встал за его спиной.

Уродцы отреагировали мгновенно и очень агрессивно. Все трое одновременно ринулись вперед.

Лисин полетел на землю, причем он даже не понял почему. Перекатившись, он увидел лысого мальчишку в широких штанах – того самого, что подавал им ужин в трактире.

В руках у него было два огромных поварских ножа, и он орудовал ими так, словно изображал восставший против мира вентилятор. Твари металась вокруг него, мелькали скрюченные руки-ноги, но ни одной не удавалось дотянуться до паренька.

Лисин судорожно выхватил свой нож. Он искренне хотел бы помочь мальчишке, но совершенно не понимал как. Похоже было, что тот и не нуждается в помощи.

Один из руконогих уродцев грохнулся на землю рядом с сержантом, брызжа кровью из рассеченной глотки. Рыбьи глаза еще светились животной злобой, но они меркли.

Лисин на всякий случай отодвинулся и перевел взгляд на мальчишку. Сержант не переставал изумляться – он никогда не видел, чтобы человек так быстро и точно двигался. Мальчишка был похож на ящерицу, которая на мгновение замирает, а еще через мгновение полностью меняет положение тела.

Еще одна тварь с раскромсанным брюхом отлетела прочь и завертелась на дороге, жалобно скуля. Третья попрыгала несколько секунд, потом рассерженно заворчала и умчалась куда-то во дворы, легко перемахнув забор.

– Пошли! – крикнул мальчишка и потянул Лисина за рукав.

Через полминуты они стояли друг напротив друга в полутемном сарае, заваленном какими-то тюками, и пытались отдышаться. Стены здесь были крепкими, и на двери красовался массивный засов. Лисин наконец ощутил какое-то подобие безопасности.

– Спасибо, пацан, – выдохнул он наконец. – Молодец, выручил.

– Я тебе не пацан! – услышал он ответ.

– Ну, извини... Ты всех прохожих сегодня спасаешь? Или только меня?

– Только тебя. Других не успеваю. Их рвут на части быстрее, чем рот откроешь. Еще неизвестно, почему они вокруг тебя столько плясали...

- Не знаю, парень... может, я не вкусный, а?
- Я ж тебе сказал, я не парень! Ты совсем дурак? Еще повторить?
- Ну да, ты мужик, я понимаю...
- И не мужик. Меня зовут Алика, я девушка!
- Девушка?! – у сержанта отвисла челюсть.

Он посмотрел на спасителя внимательней. И теперь понял: в самом деле, нежные детские черты скорее были женскими. Только вот выбритый череп не вязался ни с каким эталоном женской красоты.

– Ну, ты даешь... девушка, – покачал он головой. – И кто ж тебя так ножами махать научил?

- А что, дело нехитрое! Танцевать труднее...
- Ну, тебе видней. Где мы? И что будем дальше делать?
- Мы около трактира, на заднем дворе. А что тебе делать, я не знаю. Ты один здесь?
- Да. То есть нет. Я с другом должен был встретиться, тут неподалеку. А теперь уже не знаю как...

- Друзей нельзя подводить. Может, он как раз ждет тебя, и ему нужна помощь.
- Ну, не знаю, чем ему помочь... Он, между прочим, магистр! Ему и без меня помогут.
- Настоящий магистр? Из Академии? – в глазах девчонки блеснул восторг. – И ты еще что-то думаешь?

- Ага, думаю. Я думаю, как бы без башки не остаться, вот что!
- Если боишься, давай провожу.
- Кто? Я боюсь?! Да я через такое прошел!..
- Всегда хотела познакомиться с настоящим магистром, – продолжала девчонка, словно не слыша его. – Вернее, у меня был один такой знакомый, но он старенький уже. И не совсем настоящий...

Лисин к этому моменту уже отдышался и начал собирать растрепанные мысли в кучу. Он вдруг ясно понял: кроме как на встречу с Владом, идти ему больше некуда. Уж Влад наверняка знает, что делать. Он к такому обороту готовился, у него в голове давно уже сто один план...

Если они не встретятся сейчас, то наверняка уже надолго потеряются.

- Ты серьезно со мной пойдешь? – спросил он.
- Ну да, я ж сама сказала!
- Знаешь... я б и сам, конечно, дошел. Но вдвоем как-то спокойней, да? И бросать тебя одну тут неохота. Мало ли что...
- Точно! И я тебя бросать не хочу. Пойдем!

Лисин снял со стены какой-то инструмент, вроде небольшого пожарного багра. Взвесил на руке, проверил на прочность.

- Ну, пойдем, подруга. Найди только дорожку поспокойнее.
- Ага, только к себе забегу, вещи возьму. Я быстро!
- Давай. Кстати, меня Никита зовут. Можно просто Ники.
- Жди здесь. Я бегом, Ники!

* * *

Наверно, впервые в жизни Влад стопроцентно ощутил, что всеми его действиями руководит кто-то другой. Может, некое второе «я», может, воображаемый дядя, а может, какая-то внешняя сила, о которой он прежде и не догадывался.

Все то время, пока он выбирался из Академии и следовал по разоренным улицам к гостинице, он ни разу не подумал о страхе, опасности и каком-то здравом смысле. Рассуждать было некогда.

Последнее продуманное действие, которое он совершил, – это сорвал с Великого Магистра его мантию и накинул на него свой неприметный плащ.

Они двигались небольшими перебежками. Вернее, двигался в основном Влад, а раненый Чебрен пассивно висел на нем, иногда начиная что-то бормотать.

Влад выбирал направление, высматривал опасности, быстро пересекал пустые пространства, чтобы затаиться и определить новое направление. Все это он делал бесстрастно и хладнокровно, как промышленный автомат.

Ему повезло. На территории Академии всего раз пришлось применить дубинку, когда с дерева на них неожиданно свалилось какое-то уродливое создание, обросшее конечностями, словно паук.

Создание осталось лежать в траве с разможенным черепом и переломанной спиной.

У ворот Академии было пусто. Гвардейцы разбежались кто куда. На перекрестке дымился один из самоходов гвардии, его задняя часть была почти целиком оторвана, по луже растекшегося топлива бегали язычки пламени.

Влад внимательно осмотрел улицу – никаких явных опасностей он не увидел. Схватив под мышку обмякшего магистра, он поволок его вдоль забора Академии. Они благополучно миновали несколько перекрестков, когда старик застонал и зашевелился.

Влад понял, что ему надо просто отдохнуть. Последние минуты он ворочал Чебрена, как вязанку дров. Они затихли в живописном дворике с распахнутыми настежь воротами. Старинная каменная беседка в углу двора выглядела вполне безопасным местом – если в этом городе вообще имелись безопасные места.

Сначала они просто старались отдышаться. В ушах Влада шумело так, что пролети мимо тяжелый самолет – он бы едва услышал.

– Куда... куда мы идем?.. – с натугой проговорил Чебрен.

– Подальше отсюда, – сразу ответил Влад. – Куда угодно. По пути разберемся.

– Я не могу уйти. Мне нужно быть здесь. Мои друзья, мои ученики – они гибнут. Мое место рядом.

– Ваше место, редре, – как можно дальше отсюда! Неужели вы ничего не поняли? Вашу Академию специально хотят обезглавить. Эти чудища бегали вокруг меня и не обращали внимания, зато сразу налетали на людей в белых мантиях. Их словно специально натаскивали против вас!

– Кому это нужно? У кого могла подняться рука на такое?!

– Ну, это уж вам видней, редре. Потом разберетесь. А мое дело – вытащить вас отсюда. Что дальше – там видно будет.

– Слышишь? – Чебрен вдруг поднял палец.

Влад и раньше заметил какой-то гул, но не обратил внимания.

– Это громкоговорители, – сказал магистр. – Кто-то обращается к живым. Ты можешь что-нибудь разобрать?

– Попробую... – Влад прислушался. Странно знакомый голос раскатывался над кварталами, возвращался многократным эхом, и слова разбирались с трудом.

– Они говорят, что всем надо сидеть по домам и ждать помощи, – сказал наконец Влад.

– Помощи? От кого?

– Если я правильно понял, они ждут чего-то такого от Усодана.

– Что за нелепица! – Чебрен сурово свел брови. – Чего ради мы собирали в столице отборные гвардейские части, если теперь будем надеяться на усодов! Скорее, Изначальные снизойдут к живым... В жизни не слышал ничего глупее!

– Не знаю, редре... интересно, кто это говорит? Вроде, я слышал этот голос раньше...

Теперь прислушался Чебрен.

– Это Фаустин, – сказал он через несколько секунд. – Ректор Академии времени.

– Точно! – кивнул Влад. – Говорю же – знакомый голос.

– Подожди... – остановил его магистр.

Голос теперь доносился гораздо яснее – возможно, ветер подул в нужную сторону.

– Ты что-нибудь разбираешь?

– Да, – отозвался Влад. – Он говорит про Роторный центр... про аварию... Он говорит, что из-за сбоя в работе произошел выброс неизвестной темной силы, редре! И поэтому в городе материализовались чудища...

– Немыслимо... Как он смеет! – старик даже побледнел. – Как язык у него поворачивается говорить такое! Он ведь ученый, он знает, что это ложь! Я не понимаю – это что, заговор?

– Решайте сами. Я сказал все, что знал.

Чебрен решительно, насколько позволяли силы, поднялся со скамьи.

– Я должен быть там и остановить этот поток лжи! Это совершенно точно, даже не пытайтесь со мной спорить. Идем!

– Нет, редре, мы не вернемся в Академию, – Влад был тверд. – Мы не пойдем туда, где вас ждут охотники. И спорить я не собираюсь. Если хотите помочь своему делу, не помогайте своим врагам.

– Я не собираюсь тебя слушать!..

– Однажды вы меня уже не послушали! И что теперь? И какой прок от мертвого Великого Магистра?

Чебрен запнулся и насупился.

– Поверьте, все слишком гладко складывается для них. Вся лестница перед Дворцом завалена трупами ученых. Столица осталась без власти, и не только столица – на что вы надеетесь?

– Я... я не знаю, – старик вдруг растерялся. – Наверно, на людей. На живых! У нас много верных граждан – Протекторат, гвардия, полиция, наконец! Сотни тысяч живых присягали Истинному Знанию, в конце концов.

– И где эта гвардия? Где полиция?

– Но что-то надо делать! – лицо магистра вдруг почернело, как грозовое небо. – Пока мы окончательно не потеряли город!

– Думаю, вы его потеряли. – Влад тоже встал и посмотрел на старика в упор. – Вернете вы его или нет – не знаю. Но что бы ни случилось, действовать надо спокойно и вдумчиво, без сумасшествия, без громких слов. Идемте со мной, редре. Мы подумаем, где вас спрятать на первое время.

Чебрен исподлобья смотрел на него и никак не мог принять решение.

– И еще, – продолжал Влад, – постарайтесь не привлекать внимания. Если вас узнают на улице, нам обоим не поздоровится. Не забывайте, что вина за катастрофу возложена на Истинное Знание.

Чебрен стал еще мрачнее. Он сдержанно кивнул.

– Идем, друг мой. Я и не думаю сдаваться, но ты прав. Надо выждать и посмотреть, что будет дальше. Я ведь совершенно не представляю, что будет дальше, что они собираются делать! Гурцоры войдут в Вантал и займут наше место? Это полный абсурд – не в их интересах так грубо ломать Догмат.

Влад выглянул из двора, убедился, что улица почти пуста. Только двое перепуганных прохожих бежали куда-то, поддерживая друг друга.

– Нам надо торопиться. Неподалеку меня ждет товарищ, у него должна быть машина. Надеюсь, ему пришлось не так туго, как нам.

– Как назло, у меня с собой ничего нет, – проворчал Чебрен. – Вообще ничего! Я даже не могу связаться со своими людьми...

До гостиницы оставалось совсем немного, когда Влад вдруг довольно бесцеремонно схватил Чебрена за рукав и сдернул с улицы в какой-то подъезд с выломанной дверью.

– Тише! Там что-то творится.

Старик понимающе кивнул.

Собственно говоря, Влад толком и не рассмотрел то, что его напугало. Просто заметил, что дальше по улице происходит какое-то подозрительное движение.

Здание, в которое они забежали, оказалось совершенно тихим и пустым. Ветер из разбитых окон шевелил разбросанные по полу бумаги. Скорее всего, здесь было какое-то небольшое учреждение. Влад оставил Чебрена внизу, а сам поднялся по лестнице и осторожно выглянул в окно.

– Взгляните, редре, – позвал он через некоторое время.

Старик остановился возле Влада, несколько секунд смотрел, затем приглушенно воскликнул:

– Я не верю своим глазам!

– Тише, пожалуйста, – попросил Влад. – Сначала вы не верили Аматаису, потом – мне, а теперь и своим глазам. Кому еще вы собираетесь не поверить?

– Не может быть, – сокрушенно помотал головой магистр.

По улице двигались усоды. Их было много, не меньше сотни. Все они были одинаково одеты: черные короткие плащи, приплюснутые шлемы, сапоги, перчатки. У всех было оружие – у большинства обычные огнеметы, у некоторых – что-то покрупнее и помощнее.

Это была армия, вернее, часть армии. Они не просто шли, они чистили город. От основной колонны то и дело отделялись небольшие группы, исчезали во дворах, в подъездах домов. Затем снова примыкали к основному отряду.

Похоже, в этом районе было достаточно чисто – стрельбы не слышалось, отряд двигался быстро и слаженно. И что самое странное – в их движении не было даже намек на осторожность или страх. Они шли уверенно, как крестьянин по собственной пашне.

– Посмотри, друг мой, они шагают под флагами Черного солнца.

– Вот вам и помощь от братского народа, – пробормотал Влад.

– Что будем делать?

– Нам лучше не встречаться с ними, редре. Чует мое сердце, звезды магистров сегодня – не лучшая рекомендация. Попробуем уйти через дворы.

Они и в следующем квартале встретили небольшой отряд усодов. И уже на подходе к гостинице – тоже. Отряды деловито маршировали между улицами и площадями, туда-сюда катались бронированные самоходы – общая картина напрашивалась на определение «оккупация».

На ближайшем от гостиницы перекрестке стоял пост. Их заметили, но не проявили интереса – Влад и его попутчик по виду вполне соответствовали тем многим тысячам горожан, которые в этот недобрый день спасались по темным углам.

Влад наконец увидел гостиницу – ее фасад был полностью разрушен. Упавшая стена обнажила три этажа коридоров и комнат. В одном из этих номеров минувшей ночью они с сержантом ночевали, и у Влада в груди шевельнулось нехорошее предчувствие.

Он оставил Чебрена в соседнем дворике, подальше от любопытных глаз, а сам, не торопясь, приблизился. Перед воротами гостиницы лежало убитое чудовище – огромная, усыпанная шипами и наростами туша с массивными ногами и плоской головой-тараном. Вокруг похозяйски прохаживались усоды-воины, они тыкали в зверя стволами огнеметов, поддавали его ногами, весело переговаривались, смешно шевеля хоботками. Из окрестных окон робко выглядывали потрясенные горожане.

Неожиданно его хлопнули по плечу.

– Добрался, слава богу... – это был Лисин – растрепанный, потный и порядком вымотанный.

– Цел, – с облегчением выдохнул Влад.

– Я-то цел, а вот транспорта у нас уже нет. Что будем делать?

– Что и собирались. Уходить. Пешком.

– Как скажешь. Я уже и вещи из номера вытащил. А ты один?

– Нет, не один, – Влад украдкой обернулся и убедился, что магистр не вылез напоказ.

– Раз так, то я тоже не один. Вот, глянь...

Влад увидел знакомого лысого мальчишку из трактира, он выглядывал из-за угла и смотрел с некоторым подозрением.

– Только не называй ее пацаном – она обижается. Это вообще-то Алика.

Глава 5

«Цветы к цветам, стебельки – к стебелькам. Чем меньше ветра, тем больше вкуса...»

Это походило на какую-то детскую песенку. Именно так учили Марго подсушивать пряности перед ужином. Она аккуратно раскладывала светло-зеленые пучки на сухой деревянной поверхности, следя, чтобы среди стеблей не спрятались мелкие желтые цветки.

Работа была несложная и неустойчивая. Но у Марго уже подгибались ноги. Сегодня ей практически не удалось присесть. Утром Лури забрал старшую жену с собой в город. Вторая уже неделю лежала в больнице, ожидая родов.

На Марго свалилось все, что прежде делилось между тремя парами рук. И жаловаться на усталость было некому. Как и просить помощи...

Все уже было почти готово, когда к ней заглянул садовник, молодой и очень почтительный энеец по имени Крег.

– Госпожа, к вам какой-то мальчишка, – сказал он, замирая от смущения.

– Мальчишка? – Марго удивилась. – Зачем?

– Не знаю, госпожа, он ждет вас за воротами.

Марго оттерла руки от пахучего травяного сока и заторопилась на улицу. В самом деле, на дороге ошивался какой-то сорванец. Одет он был просто, но вполне аккуратно, за спиной болтался простой дорожный мешок.

– Ты ко мне? – с подозрением спросила Марго.

Мальчишка просиял и торопливо полез в свой мешок. Через секунду он уже протягивал ей плотный бумажный конверт, на совесть прошитый.

– Что это? – Марго не сразу решилась взять конверт в руки.

– Наверно, послание, – пожал плечами мальчишка.

– От кого?

– Не знаю, просто послание.

Марго осторожно повертела конверт в руках. Мальчишка не уходил, и она наконец догадалась выдать ему мелкую монету.

После этого вернулась во двор и там осторожно открыла конверт.

Первое, что она увидела, – яркую глянцевую фотографию. В светлой комнате, в богатом резном кресле сидел человек, одетый во все черное. Всего мгновение Марго сомневалась, откуда ей так знакомо это лицо. А затем негромко ахнула, схватившись за лоб.

Человеком этим был студент – тот самый Эдик Борискин, с которым их свела судьба в опустевшем городе.

Его одежда здорово напоминала то, в чем тут ходили гурцоры. Но Марго сочла это совпадением – слишком невероятно предполагать, что вечный раздолбай Эдик каким-то образом вотрется в доверие к самой загадочной касте этого мира.

Марго смотрела на фото и продолжала удивляться. Комната, в которой сидел Эдик, была битком заполнена самыми разными предметами: книги, компьютеры, какие-то нелепые золотые кубки, замысловатые иностранные бутылки со спиртным, разнообразное оружие на стенах, неизвестные электроприборы и еще много такого, чему Марго даже не могла дать определения.

Это было похоже то ли на запасник музея, то ли на лавку комиссионных товаров.

Из конверта выпал еще листок. Марго торопливо подняла его и увидела обычную распечатку, сделанную на принтере. Всего несколько строк:

«Привет, подруга! Ты не представляешь, как мне пришлось ломать мозги, пока тебя искал. Теперь я про тебя все знаю. Не удивляйся, мир не без добрых людей. У меня, как видишь, все в порядке, но тоска смертная! Короче, так: найдешь на вашей городской почте

энейца по имени Тэнч. Дашь небольшую денежку ему и скажешь, что ты от Мастера Эдварда. Дальше он все организует – тогда и пообщаемся в прямом эфире. До скорого!!!»

Марго некоторое время стояла в оцепенении, продолжая бездумно смотреть то на ровные строчки письма, то на фотографию. Произошедшее было настолько неожиданно, что она никак не могла собраться с мыслями. Это было как привет из другого мира, бесконечно далекого и недостижимого.

Но и фотография, и письмо-распечатка лежали сейчас у нее в руках. Полностью реальные.

Через секунду, подняв глаза, она увидела своего мужа Лури. Видимо, он только что подъехал – за воротами пыхтел самоход.

– Что там у тебя? – спросил он каким-то непривычным, напряженным голосом.

– Да ничего... посыльный принес из лавки, – соврала Марго, сама не зная зачем.

– Понятно... – Лури как-то очень быстро утратил интерес к письму, повернулся и зашагал к дому. Через несколько шагов он обернулся. – Поднимись ко мне через пару минут.

Марго смотрела на его сгорбленную спину, суетливую походку и понимала – что-то произошло. Почему-то с ним не было Валлы, первой жены, которую утром он забирал с собой.

Она спрятала письмо Эдика в своих вещах, после чего пошла в кабинет мужа. Лури уже переоделся в мягкий домашний халат, он расслабленно сидел у окна и хлебал грибной нектар прямо из фигурной глиняной бутылки.

– Присядь, – сказал он, не поворачивая головы.

Она села на краешек пузатого старинного дивана, сложила руки на коленях.

– Что-то случилось?

– Пока нет. Но случится. Я отправил Валлу в деревню, к родителям. Ты тоже можешь уезжать, если хочешь.

Марго некоторое время ждала продолжения, но Лури молчал, прикладываясь к бутылке.

– Да что происходит?! – воскликнула она наконец.

– Происходит... что-то происходит, – еле слышно проговорил муж. Сдернув с вешалки салфетку, он нервным движением вытер вспотевшую лысину.

– Скажи мне, я должна знать!

После довольно долгого молчания Лури заговорил:

– Усоды в портовых складах ведут себя очень странно. Разбредаются по углам, шепчутся, работают плохо...

– И что такого? Это же усоды – они хорошо понимают только кнут!

– И хозяин уехал, – добавил Лури. – Очень быстро, ничего не сказав... Просто собрался – и исчез. Будто сбежал.

– Но он же хозяин, – пожала плечами Марго. – Он отчитываться не обязан. Надо ему – вот и уехал. Разве первый раз?

– Вот так – первый раз. А насчет усодов ты тоже не права. Такого еще никогда не было. Я видел даже, как, стоя поодаль, они на меня поглядывают и вроде бы смеются...

Марго молчала. Она совершенно не понимала, как истолковать слова мужа, да и есть ли, от чего беспокоиться.

– Они как будто ждут чего-то, – продолжал Лури. – Словно знают что-то – и про меня, и про всех остальных. Я не знаю, как поступать, что говорить. В городе и во всей провинции сейчас власти нет – и губернатор, и магистры, и советники приглашены в Вантал на торжества. Даже гвардия и полиция там.

– Вернется губернатор, вернется полиция – все будет как всегда... – неуверенно произнесла Марго.

– Может быть, может быть... – Лури покачал головой. Потом вдруг нахмурился. – Утром погиб управляющий Департамента дорог. Вывалился с балкона у себя дома. Влиятельный был человек. С чего бы ему с балконов прыгать? Или помогли?

Марго беспомощно развела руками.

– Ладно... – Лури отставил полупустую бутылку. – Что скажешь, девочка? Честно говорю, возле меня сейчас может быть беспокойно. Много всяких, кто мной не очень доволен. Если ты хочешь покоя и безопасности, держать не буду.

– Гонишь меня?

– Может, и гоню... По мне сейчас, чем меньше людей рядом, тем меньше хлопот. Хотя, скажу откровенно, остаться одному тоже не хотелось бы.

– Никуда я не пойду, – сказала Марго, особенно не раздумывая. – Обещала, что буду рядом, значит, буду. И не накручивай себя раньше времени. Мало ли, что показалось...

Лури покачал головой.

– Все-таки я чувствую. Что-то не так, что-то меняется. И этот праздник в столице Мира, и восход Черного солнца – все одно к одному.

Марго молчала.

– Ладно, иди, – проговорил Лури. – Принеси ужин, потом отдохни чуть-чуть. И приготовь еды побольше. После заката придут наемники, они будут охранять дом до утра. Их нужно будет покормить.

... Часом позже Марго опять взяла в руки письмо студента. Странная записка и такая же странная фотография не стали менее реальными. Городская почта, энеец по имени Тэнч...

Оставалось только выкроить на это время.

* * *

Обыкновенным делом на заставе был треп. Одинаковые дни, скука, однообразный распорядок ничем нельзя было оживить, кроме интересного разговора.

Играть в кости на деньги сторожевикам было строго запрещено. А без денег игры быстро приедались.

Петровичу вначале нравилось, что его внимательно слушают и всегда рады его историям. Но вскоре, к своему стыду, понял, что ни один человек не верит ему ни на грош и все его слова воспринимаются как безобидный бред сумасшедшего.

Он пытался рассказать, что прежде работал на большом заводе и жил на восьмом этаже огромного здания, что в его доме была горячая вода, тепло и свет, которые подавались по специальным проводам и трубам...

И чем больше он говорил, тем громче был хохот сторожевиков. Даже тот незамысловатый факт, что на работу его возил большой электрический вагон под названием «троллейбус», вызывал приступы оскорбительного веселья.

«Ты, наверно, был иерархом, а то и верховным магистром, муммо!» – издевались сторожевики.

Про телевизор, стиральную машину и мотоцикл он даже не заикался. И про свои злоключения в подземных лабораториях Ширы теперь молчал.

Обитатели заставы тоже много рассказывали. Но слушать их быстро наскучило – слишком одинаковы были их истории. Вскоре Петрович с первого взгляда мог уверенно определить: этот человек родился в деревне, и ему не дали гражданства, а этот – держал ферму или мастерскую, но разорился, а этого выгнали с фабрики за мелкое воровство...

И если он ошибался, то самую малость. Пути, приводящие живых в пустыни Дервейга, были очень немногочисленны и весьма похожи.

...День был самый обычный, если не считать короткого ливня, который налетел рано утром, произвел во дворике заставы огромную лужу, а затем унесся в пустыню.

Впрочем, солнце к обеду хорошо припекало, земля быстро подсохла. Единственным беспокойством от непогоды стало то, что Петровичу пришлось сметать воду с плоской крыши столовой.

Проявив инициативу и усердие, Петрович изготовил из какого-то хлама тяжелую пику и теперь пробивал ею каналы и тоннели под забором, чтобы лужа поскорей вытекла за пределы заставы.

– Кто-то едет! – крикнул с вышки дежурный сторожевик.

– Кто, не видно? – отозвался Туф. – Караван идет или патруль возвращается?

– Вроде патруль, – определил чуть погодя дежурный. – Быстро идут. С повозками так бы не шли.

– Точно, патруль, – сказал Туф. – Командир еще вчера должен был своих привести.

– Наверно, он...

Застава быстро ожила – возвращение сторожевого патруля было значительным событием. Важнее этого – только если караван остановится на отдых. Такое было на памяти Петровича всего дважды, и оба раза поздним вечером. Ему приходилось в этих случаях много бегать, таскать воду, дрова, посуду, а ложиться удавалось лишь глубокой ночью.

Туф помчался открывать ворота, на бегу крикнув Петровичу, чтобы тот смел какой-то мусор. Указание было маловразумительным, и Петрович застыл посреди двора с озадаченным видом.

Прошло минут десять. Петрович вдруг заметил, что высоко в небе медленно перемещаются два белых огонька. Он уже знал, что эти штуки называются стратисами, их видели все, но никто не знал, что они собой представляют и зачем кружат над миром.

Неожиданно дежурный на вышке издал что-то вроде сдавленного кудахтанья, засуетился и замахал руками.

– Закрывай! – крикнул он наконец. – Закрывай ворота! Это не наши! Это вурды!!!

Петрович еще не осознал до конца, что означают эти слова, а в груди уже пробежал нехороший холодок. С разных концов заставы донеслись растерянные и испуганные возгласы сторожевиков. Беготня усилилась, став уже совершенно беспорядочной.

Отставив свою пику к стене сарая, Петрович подбежал к забору, вскочил на какую-то бочку, подтянулся и выглянул. Он увидел немного – волну пыли, поднятую вдалеке скачущими всадниками. Странно, как сторожевик смог определить в них вурдов, но, наверно, ему видней.

Пальцы ослабели, и Петрович спрыгнул с забора. У стены столовой еще стояла лестница – Петрович вскарабкался по ней на крышу, откуда открывался куда более обширный вид. Ему показалось, что за эту пару минут расстояние до скачущих вурдов как-то уж очень сильно сократилось, словно они неслись на космической скорости.

Сторожевики все так же метались между постройками заставы, разбирали огнеметы, цепляли на ремни клинки, тащили куда-то короткие лестницы, ящики, корзины. И непрерывно гомонили, как потревоженные вороны. Петровичу очень хотелось бы верить, что они действуют по правилам и знают, что надо делать, но верилось в это с трудом. Никакой военной организации не чувствовалось. Только сутолока, страх и паника.

Через минуту-другую Петрович и сам разглядел среди клубов пыли скачущих вурдов. Их было, наверно, не меньше полусотни, они подгоняли жилистых и притких крилов с оскаленными пастьми. Было видно, как на солнце блестят сотни металлических пряжек, пуговиц, подвесок и прочей мишуры, которой так любят украшать себя вурды.

Уже почти достигнув стен заставы, банда не остановилась, а пустила своих животных по кругу вдоль забора, постепенно сокращая расстояние. Послышались первые выстрелы – вурды палили пока только в воздух. Одновременно и сторожевики в какой-то степени упорядочили

свою беготню: теперь все они столпились у ворот, щелкая пружинами огнеметов и ожидая первую попытку прорыва.

Петрович растянулся на крыше, прячась за кромкой карниза. С его позиции было видно, что банду меньше всего интересуют ворота, они огибали заставу в поиске уязвимых мест. И было странно, почему сторожевики этого не понимают.

На противоположной стороне заставы вдруг в воздух взлетел небольшой огненно-красный комочек. Оставляя хвост дыма, он ударился о крышу жилого домика, несколько раз подпрыгнул на ней и куда-то соскочил, продолжая дымиться.

– Они поджигают дома! – закричал Петрович. – Кто-нибудь, бегите туда!

Несколько сторожевиков обернулись на него с непонимающим видом, но никто не сдвинулся с места.

Петрович соскочил с крыши и побежал сам. Он почти сразу увидел снаряд-«зажигалку» – связанный из тряпок шар лежал на дорожке между домами и догорал, обливаясь язычками дымного пламени.

Переведя дух, Петрович побежал обратно вдоль забора. Он хотел сказать Туфу, что сторожевикам незачем толпиться у ворот, сбившись в трусливое стадо, им надо рассредоточиться по заставе и держать под контролем все участки.

Он вдруг остановился. Впереди одна секция забора как-то странно раскачивалась, словно снаружи ее кто-то ритмично толкал.

Через секунду над забором показалась мощная уродливая лапа. Три пальца-сардельки вцепились в край забора, затем показалась черепашня морда с пустыми плоскими глазами.

У Петровича от страха едва не подкосились ноги. Он отступил, затем шагнул вперед, потом снова отскочил. Он хотел бежать подальше, но одновременно понимал, что надо как-то действовать.

– Сюда! – закричал он, едва справляясь с дрожью в голосе. – Быстрее кто-нибудь сюда – они лезут через забор!

Бессмысленные глаза вурда остановились на нем. Появилась вторая лапа, пальцы сжимали рукоятку короткого тесака с широким зазубренным лезвием.

Обмирая от страха, Петрович в один миг пересек дорожку и обернулся, готовясь молниеносно броситься к воротам под защиту вооруженных сторожевиков.

Вурд тем временем подтянулся. Над забором появилась его грудь, перетянутая ремнями, увешанная блестящими бирюльками. Забор шатался и скрипел.

Петрович бросил взгляд назад, проверяя пути бегства, и вдруг увидел свой сегодняшний инструмент – самодельную пику, прислоненную к забору. В три прыжка он подскочил к ней, схватил, рванулся обратно и успел как раз к тому моменту, когда вурд почти перевалил свою тушу через кромку забора.

Кривое ржавое острие, наспех сделанное из обломка лопаты, уперлось вурду в ребра. Он что-то прокричал своим куриным голосом, дернулся, схватился за древко уродливой лапой и еще больше надел на пику. Ему некуда было деваться, сейчас против него работал вес собственного тела.

– Сюда, быстрее, кто-нибудь!!! – орал Петрович, мертвой хваткой вцепившись в палку. Он чувствовал, что она трещит и гнется, огромная туша в любой момент могла обрушиться ему на голову.

Вдобавок из раны вурда обильно потекла кровь, заливая Петровичу лицо и глаза, сделав древко скользким.

– Быстрее, ко мне! – кричал он.

Он уже готов был бросить свою пику и помчаться куда глаза глядят, как вдруг из-за угла выскочило целых пятеро сторожевиков – растерянных и испуганных, как дети.

– Помогите мне! Чего встали!

Палка наконец переломилась, Петрович едва успел отскочить. Впрочем, вурду вдвойне не повезло: одна нога застряла между жердей забора, и бандит повис вниз головой, вопя и извиваясь.

Осмелевшие сторожевики окружили его и устроили пальбу, от которой площадку заволкло густым дымом.

– Склад горит! – крикнули где-то неподалеку.

Петрович уже бежал к воротам.

– Чего встали! – заорал он на толпу оторопевших от его вида сторожевиков. – Разбились по трое, разошлись по территории, быстро, быстро, бего-ом!

Видя, что доблестные защитники заставы продолжают нерешительно переминаться на месте, он принялся хватать их за одежду и вытаскивать из толпы.

– Вы трое – к стойлу, вы – к малым воротам, вы – со стороны колодца. Не стоять, бегом, бегом! За забором следите, бейте их влет!

Кажется, сторожевики начали понимать его замысел, дергать и толкать их уже не приходилось. Внутри заставы загремели выстрелы: вурдов сгоняли с забора.

– Бабы ваши где? – не успокаивался Петрович. – Пусть берут ведра, лопаты и гасят «зажигалки». Воды полно, возле кухни три полных бочки с утра стоят.

Оставив возле ворот Туфа с двумя приятелями, он бросился на другой край заставы – проверить, все ли правильно делают защитники. Страх прошел, не оставив даже маленького следа. Осталось только желание двигаться, действовать, принимать решения.

Он увидел, как двое сторожевиков добивают ножами еще одного упавшего с забора вурда. Третий защитник лежал неподалеку, скорчившись и обхватив окровавленный живот.

– Что с тобой, показывай! – Петрович опустился рядом на одно колено.

Раненый убрал руки. Петрович боялся, что увидит по меньшей мере выпущенные кишки, но все оказалось не так страшно. Длинная, но поверхностная рана пересекала живот, кровь ползла широким вязким потоком.

– Держись, я сейчас пришлю кого-нибудь, – пообещал Петрович. – И не бойся, ничего с тобой не будет.

Как назло, рядом не оказалось никакой тряпки, чтобы перевязать рану. Петрович бросился в сторону кухни, где встретил двух работниц с ведрами – растерянных и полностью деморализованных.

– Ты беги к стойлам, там горит что-то! – крикнул он. – А ты хватай какое-нибудь полотенце чистое – и за мной. Надо раненому помочь.

– Кто раненый-то? – встревожилась женщина. Как и все ее подруги, она была женой кого-то из сторожевиков.

– Не знаю, не разобрал впопыхах, – отмахнулся Петрович.

Стрельба неслась со всех сторон, заставу накрыла пелена едкого дыма. Отовсюду неслись крики, то яростные, то испуганные, то отчаянные. Неразбериха все еще продолжалась. Петровичу не хватало цельной картины обороны, а получить ее, хотя бы частичную, можно было только одним способом – постоянно бегая между постами, не останавливаясь ни на минуту.

Проводив женщину к раненому, он вдруг увидел лежащий в пыли огнемёт. Петрович схватил его, несколько секунд разглядывая. Затем подскочил к одному из сторожевиков.

– Слышь, как стрелять из этого? Давай, быстрее показывай.

– Да вот... – сторожевик удивился. – Здесь перецелкиваешь слева направо, потом – сюда. Стрельнул – обратно переводишь. Постой, покажу еще, как заряды закладывать, у тебя там пусто совсем...

Через минуту Петрович неслся к главным воротам, где держал оборону Туф с двумя друзьями. Уже на подходе он заметил торчащую над воротами голову вурда, которую сторожевики

почему-то еще не видели. Он остановился, прицелился и с десяти метров вклепил заряд точно между бугорками ушей.

Вурд только потряс головой, однако Петрович снова бросился вперед, и следующий выстрел сделал уже с пяти шагов. Голова бандита исчезла за забором.

– Говно эти ваши ружья, – пробормотал Петрович, после чего подбежал к Туфу. – Дай зарядов, слышь, у меня кончились.

– Вот, бери, – испуганно согласился Туф, протянув ему горсть серых столбиков, спрессованных из серого порошка и металлической стружки.

– Как вы из них стреляете, ими только мух распугивать. – Петрович, кряхтя, засовывал заряды в круглую жестяную коробку с пружиной. Получалось у него не очень ловко – два столбика просто сломались в пальцах. – Где ваш радист? – крикнул Петрович. – Нужно звать помощь, мы не справимся.

– Сейчас найдем, – ответил пришибленный Туф.

Уже чувствовалась усталость, пороховой дым разъедал глаза, от воплей и стрельбы голова шла кругом, но Петрович не останавливался. Он сейчас знал главное: защитников следует пинать и подгонять, а в нужные моменты показывать направление, иначе они остановятся, и оборона заглохнет.

Самое главное, и он это видел, – у него получалось! Ни один вурд не прорвался через забор заставы. А если и попал за него, то либо мертвецом, либо неопасным калекой. Защитников было мало, очень мало, однако они быстро собрались, начали действовать слаженно и просто делать свое дело, а не толкаться, прячась друг за друга. А что еще нужно? Больше ничего, разве что удача.

Удача выглянула из-за туч неожиданно, когда от ворот раздался ликующий вопль Туфа:

– Они уходят! Они бегут!

И тут же эту новость подтвердили из других уголков заставы. Вурды остановили скачку вдоль забора, прекратили попытки перелезть через него и теперь собирались вместе, чтобы отступить.

Один из сторожевиков побежал к вышке. Через какое-то время раздался его крик:

– Патруль возвращается! К нам идет помощь!!!

Петрович, взволнованный этими новостями, поднялся на крышу столовой. Он увидел, что банда вурдов уже развернула животных и набирает ход в сторону предгорий. С противоположной стороны к заставе неслись всадники: их было всего десяток, но в их быстром прямом движении была видна храбрость и решимость.

Петрович осторожно поставил к стене огнемет и отправился к себе под навес. У него подламывались ноги, он зверски устал. Он хотел только лечь, закрыть глаза, отсечь от себя все громкие звуки.

Через минуту он укрылся с головой под одеялом, закрыл ладонями уши, зажмурил глаза, сжался в комок и очень быстро уснул.

* * *

После обеда Марго наконец решила идти. Она поднялась к себе и выбрала самую неприметную одежду. Повязав глухую косынку, она спустилась во двор.

– Уходите, госпожа? – окликнул ее садовник Крег.

– Да, – Марго немного растерялась, – на рынок.

– На рынок? А чего ж без корзинки?

– Да я... – Марго запнулась. Пауза длилась достаточно, чтобы вызвать подозрение. – Я только долг отдать.

Энеец лишь учтиво поклонился. Марго выскочила на улицу и быстро зашагала в сторону почты. «Энеец по имени Тэнч», – вспоминала она по дороге.

Угрюмое здание почты окружал обширный и довольно грязный двор, где трещали самоходы, пыхтели запряженные чапы и сновали туда-сюда суетливые усоды-носильщики.

Марго показали, где искать Тэнча. Она поднялась на третий этаж и оказалась в камерке, уставленной неказистыми, противно гудящими приборами.

Навстречу ей поднялся радист-энеец. Он удивленно наклонил голову и прижал руки к груди.

– Я ищу Мастера Эдварда, – проговорила Марго. – Мне сказали, ты можешь помочь, – она протянула ему несколько монет, завернутых в платок.

– Садитесь, госпожа, садитесь сюда, – засуетился Тэнч. – Я попробую найти его...

Марго присела на крошечный неудобный стул. Из-за особенностей анатомии энейцы пользовались особой мебелью. Их стулья имели выгнутое вверх сиденье и скошенную вперед спинку, из-за которых обычный человек больше мучился, чем отдыхал.

Тэнч принялся метаться вдоль стола со своими приборами, хватать и соединять какие-то провода, прислушиваясь к треску и шуму в громкоговорителях.

– Нам повезло, – сказал он наконец. – Мастер Эдвард готов говорить. Одну секунду, госпожа, еще кое-что...

Он полез в большой квадратный ящик, и некоторое время оттуда торчали только его ноги. Наконец Тэнч вытащил нечто, завернутое в грязную тряпку, и очень осторожно уложил это на стол.

– Еще секунду... – бормотал энеец, медленно открывая сверток.

Внутри оказалось небольшое круглое зеркало, которое он установил на столе в самодельной проволочной подставке.

– Прошу вас, госпожа, – с этими словами он бесшумно исчез из камерки.

Марго придвинулась к зеркалу, обвела взглядом гудящие приборы. Она так и не поняла, что ей следует делать дальше.

– Я тебя вижу! – прозвучал вдруг едва узнаваемый, искаженный помехами голос. – Подожди-ка...

Зеркало потемнело, по поверхности словно прошла штормовая волна, а в следующую секунду Марго увидела Эдика.

Он был одет все в те же странные черные одежды, только на этот раз за его спиной виднелись библиотечные стеллажи с книгами. У Марго что-то словно обожгло сердце – последний раз она видела такие шкафы, когда еще ходила в школу.

– Видишь меня? – спросил Эдик.

Марго медленно кивнула.

– Ну, привет, подруга. Что скажешь веселого?

– Да ничего веселого, – пожала плечами Марго. – Живу, как видишь. Лучше про себя расскажи.

– Ну, что тут рассказывать... все и так понятно. Пригрели меня, прикормили, приодели. Вот... тоже теперь живу.

– Кто пригрел? И почему, зачем?

– Гурцоры. Они без меня в нашем городке как слепые котятка. У меня что ни день – то лекция или экскурсия. Знакомлю, можно сказать, с бытом и повадками исчезнувшего человечества...

– Тебя заставляют проводить экскурсии? – не поняла Марго. – Что за бред?

– Ну, почему же «заставляют». У нас все по любви и согласию. Видала, кто я теперь?

– Кто?

– Типа ученую степень мне присвоили – Темный мастер! Это круче, чем толкователь, правда, не так круто, как ведун. Городскую библиотеку помнишь? Теперь это полностью мой дом. У меня даже слуги есть...

– Это чем же ты выслужился? – холодно усмехнулась Марго.

– Чем умею, тем и выслужился. Исключительно мозгами. Они тут знаешь какие любопытные, эти гурцоры? Все им покажи, все объясни, научи... Простой электрический чайник их до истерики довести может. А когда я им собрал трансформатор «Тесла» и всякие фокусы на нем показал, они мне чуть ли ноги не лизали.

Марго покачала головой.

– С трудом представляю, чтоб гурцоры – и прямо ноги...

– Ну, ноги – не ноги, а зауважали сразу и всерьез. А еще им машины наши дико нравятся. Они ребята хозяйственные оказались, все, что может работать, стараются беречь. У меня тут трудится целая дивизия энейцев, как раз по транспорту. Отгоняют, чинят, консервируют. Бензин сливают, копят. Вот кто, кстати, самый тут умный – энейцы. Удивляюсь на них каждый день. Один раз покажешь – влет соображают и запоминают. Ничего два раза объяснять не надо.

– Ну да, я заметила... – пробормотала Марго.

– Вообще, приколов много. Я их в «контру» научил играть по сети, им теперь ни есть, ни спать не надо – только дай погонять.

– Ясно... значит, веселишься в полный рост?

– Ну, я б так не сказал. Веселого тут мало. Скучновато все-таки с ними. Даже выпить не с кем. О, слушай, давай как бы с тобой выпью? – он протянул куда-то руку, и в ней моментально оказалась красивая бутылка с чем-то заграничным.

– Могу подогнать одного общего знакомого, – хмыкнула Марго. – Он как раз мечтает.

– Ты про кого? Слушай, ты вообще про наших что-нибудь знаешь?

– Ники со мной был сначала, – Марго протяжно вздохнула. – А потом сгинул куда-то. Обещал проявиться, как только будет шанс. Больше никого не видела.

– И я никого. Только тебя вот нашел, – студент безучастно отвернул пробку и хлебнул из бутылки, не поморщившись.

Они помолчали немного, потом вдруг Марго подалась вперед.

– Слушай, мальчик-зайчик. Раз ты у темных теперь лучший друг, может, решишь нашу общую проблему?

– Это какую? – удивился Эдик.

– Не знаешь какую? То, что мы торчим уже который месяц под этим помойным небом, – это тебе нормально?

– Ну, не особо нормально... – студент часто заморгал. – А какие варианты? Я что-то не пойму...

– Ах, тебе еще объяснять надо... Они же, эти твои друзья, нас сюда дернули! А как бы с ними поговорить, чтоб теперь обратно?

– Во-от ты о чем... – Эдик сокрушенно вздохнул. – Так знай, про это и думать забудь!

– Почему? – у Марго вдруг охрип голос.

– Они нас, людей, к своим секретам никогда не подпустят и на сто километров! Они только сами учатся, но чтоб нас учить – это никогда и ни за что! Не в их интересах.

– Как это? Я же видела – ходят повсюду всякие колдуны-ведуны, а ведь учились-то они как раз у темных.

– Это совсем не то. Чему они учились – знаешь? Фигне всякой, типа лекарственных минералов и предсказаниям погоды. Это все равно что физик-ядерщик тебя научит огонь трением добывать. Нет, подруга, настоящее Темное знание – это совсем другое.

– То есть, говоришь, нет шансов? – у Марго молниеносно возникло щемящее чувство, что этот разговор – зря, да и вся их нынешняя жизнь – тоже зря.

– Шансы, может, и есть. А возможностей у меня сейчас нет. Да и не будет. Он снова хлебнул из бутылки, на этот раз глоток был долгим.

– А я надеялась... – с вызовом произнесла Марго.

– Думаешь, я не надеялся? А еще знаешь что скажу? Не могут они ничего.

– Почему ты так думаешь? Один же раз смогли.

– Это не они смогли. Это другие гурцоры смогли.

– Какие другие? Они все одинаковые.

– Не совсем. Как тебе объяснить... Гурцоры ведь – они совсем не похожи на людей. Они полностью другие. Ты слышала? У них даже мальчиков и девочек нет! Они все одинаковые. Как... я не знаю... как муравьи – вот! И Шира – это их муравейник. Они выползают, ищут добычу, тащат ее в муравейник, снова ползут...

– Так я и говорю, что они одинаковые.

– Это не то. Знаешь, как бывает у клубники – вылезает ус, и из него начинает расти новый куст. Так и у них. Иногда кто-то вылезает и начинает создавать новый муравейник. Они, конечно, с этим борются, следят, пресекают, но не всегда получается. Наш городок оказался классным местом, где новый муравейник сразу прижился. И его уже так просто не сковырнешь.

– И чем твои новые гурцоры отличаются от старых?

– Да ничем! Просто другой муравейник. Работает он только на себя, а больше – ничем! К чему я это говорю?... Ах да, вспомнил! Здесь у нас этой методикой не занимаются. А если чего и знают, то мне не скажут, сто процентов!

– Печально...

– Печально, – кивнул студент. – Я не знаю, может, когда-то и получится что-то... не знаю...

Он вдруг поднял на Марго глаза.

– Слушай, я с этой болтовней самое главное забыл!

– Какое главное? – недоверчиво переспросила Марго.

– Как насчет заскочить ко мне в гости?

– В гости? Я не понимаю...

– Чего непонятного. Просто приезжай – и все! Дорогу знаешь?

– Куда? К тебе? Там же темные! Они разве пускают чужих?

– Еще как пускают! Наоборот, зовут всех кого ни попадя! Тут же новый город, новая жизнь и темные порядки, понимаешь?

– Нет, – пожала плечами Марго.

– Ладно, объясняю. Они решили тут сделать что-то типа образцового города всеобщего счастья. Чтобы все увидели – с темными хорошо, а без них – грустно. Свободных домов тут – тьма. Усоды сюда прут толпами...

– И как, всеобщего счастья хватает?

– Ну, не знаю насчет счастья, а еды хватает. И вообще, спокойно тут. Жить можно.

– Я вот слушаю тебя, – проговорила Марго, – и как будто страшный сон смотрю...

– И что во мне страшного? – удивился студент.

– В тебе – ничего. А все, что вокруг, – страшно. И мы торчим посреди всего этого...

– Не пойму, у тебя сегодня настроение плохое?

– А у тебя – хорошее?

– Не знаю... обыкновенное. Вообще рад, что тебя вижу. А ты – нет?

– Да рада я, рада... как-то не так этот разговор представляла.

– А как? Объясни!

– Ну, думала, соберемся вместе... Подумаем, как остальных собрать... Потом что-нибудь решим. А вместо этого слушаю, как ты меня в город счастья жить зовешь...

– Ну, извини, не знал, что у тебя этого счастья и так хватает.

– Да нет у меня никакого счастья! – воскликнула Марго. – И не будет, пока я тут, ясно?
– Ясно, ясно... – Эдик даже вжал голову в плечи. – Я же тебе и предлагал – давай соберемся, давай обсудим – разве я против?

Марго некоторое время молчала, сжав губы.

– Слушай, зайчик, а ты как меня нашел?

– Искал и нашел, – пожал плечами Эдик. – Долго рассказывать.

– Может, ты и остальных так найдешь?

– И остальных искал. Но вышел только на тебя. Похоже, только ты из нас всех на легальном положении. Остальные так и бродяжничают. Если живы, конечно...

– Ты не останавливайся, ищи дальше, ладно? А по поводу встретиться – я подумаю. Встретимся, конечно, только не знаю когда. У меня здесь тоже проблем хватает, понимаешь ведь?

Эдик с готовностью кивнул.

– Так вот, – продолжала Марго. – Ты все-таки подумай, как нам быть. Ты же умный, правда? И я подумаю. Тебе можно будет еще раз вот так... э-э... позвонить?

– Конечно, когда хочешь! Я все время на месте, меня темные далеко от дома не отпускают.

– Вот и хорошо. Будь на месте. Чует мое сердце, мы встретимся гораздо раньше, чем я думаю.

Выходя из каморки, Марго сунула Тэнчу еще пару монет и строго сказала:

– Никому ни слова! Ни-ко-му!!!

* * *

Еще днем Петрович заметил, как приехавший с патрулем начальник заставы толкует о чем-то с Туфом, причем оба как-то многозначительно поглядывали на него, Петровича.

Впрочем, никакого разговора пока не состоялось. У главного сторожевика накопилось слишком много текущих дел на заставе, и все свое время он посвящал только им.

Лишь вечером, когда строения и заборы окутали серые сумерки, командир зашел к Петровичу под навес. Запросто присел на перевернутый бочонок и вытянул уставшие ноги. Туф тоже пришел с ним, он встал рядом, прислонившись к столбу.

Петрович привстал с кровати, слегка смущенный визитом. Начальник заставы был немолод – пожалуй, старше самого Петровича. У него были большие покатые плечи, тяжеловатые движения и медленное шумное дыхание, словно у притомившегося атлета.

При этом в нем чувствовалась какая-то мощь – и внутренняя, и физическая. Не та телесная сила, которая бывает у здорового, тренированного человека, а именно мощь. Как у быка. Или трактора.

– Странные вещи я слышу, муммо, – без вступлений проговорил начальник, глядя на небо за кромкой забора. – Говорят, что ты тут моей заставой командовал почище любого гвардейского капитана...

– Да нет, особо не командовал... – Петрович неуютно повел плечами. – Так, просто показал мужикам, где что творится. Слышь, они ж у ворот столпились и даже не видели, что...

– Да нет, не «просто», – чуть усмехнулся начальник. – Есть вещи, которые просто так не сделаешь. Верно, Туф?

Сторожевик с готовностью закивал.

– Все так, редре! Не всякий опытный солдат в такой суматохе сообразит, что к чему.

Петрович заерзал на своей кровати. Интонация разговора все меньше ему нравилась. Его словно подозревали в чем-то.

– А что ж было делать? – проговорил он наконец. – Сидеть и ждать, пока они вашу деревню спалют? Чем мог, тем помог, слышь? Извините, если что не так сделал...

– Нет-нет, все так, молодец. Мне только вот что неясно. Непростой ты муммо, что-то в тебе есть непонятное. А мне не нравится, когда рядом непонятные люди. Может, ты что-то про себя утаил? Признайся – тебя полиция ищет или Академия?

– Все я рассказал. И никто меня не ищет, – сердито ответил Петрович. – А вашим балбесам что ни расскажи, только на смех поднимают. За дурака меня держат, за клоуна.

– Это правда, Туф? – обратился начальник к сторожевику. – Рассказывал он о себе?

– Да чего-то нес, какие-то небылицы, – отмахнулся было Туф, но было видно, что эта беззаботность дается ему уже с трудом.

– Ну, теперь расскажи мне, – начальник развернулся всем корпусом к Петровичу. – Я не посмеюсь, выслушаю по-серьезному. Обещаю.

Петрович не был готов ни к каким рассказам и воспоминаниям и даже не знал, с чего начать. С минуту он лишь растерянно моргал и силился выдать хоть звук.

– Да чего тут рассказывать! – он рубанул воздух ладонью. – Прожил жизнь, кой-чего повидал, а кой-чему и научился. Вот и весь рассказ.

– Но ты в самом деле знаком с воинской наукой?

– Ну, знаком, и что? У нас там все знакомы – одни больше, другие меньше.

– Где же научился? Служил в гвардии, воевал?

– Нет, не воевал. И никакой гвардии не знаю. Слышь, если так охота, потом расскажу. А сейчас не хочу, а то опять скажете, что я огород горожу. – Петрович отвернулся и уперся взглядом в стену.

Начальник выдержал небольшую паузу, затем протяжно вздохнул.

– Жаль, что ты такой неразговорчивый, муммо. А я уж думал, может, в патруль тебя зачислить? Люди тут говорят, ты и стреляешь отменно...

– Как научили, так и стреляю. Дело нехитрое. А вот, слышь, ты только не обижайся, а ружья ваши – говно!

– Почему? – удивился командир.

– А потому! Что это за стрельба такая – как бык поссал. Там же пуля должна быть тяжелая! И чтоб давление в стволе ее толкало. Тогда будет и точность, и убойная сила. А ваши пукалки только углями плюются.

– Давление? – у начальника удивленно поднялись брови. – Так давление ствол порвет. А не порвет, так раздует. Чтоб ствол выдержал, ему нужны стенки толщиной в ладонь!

– А вот это правильно! Потому что оружие надо из нормальной стали делать, а не из консервных банок скручивать. И вообще, неудобно все, ненадежно, все пальцы отобьешь, пока один раз стрельнешь.

– Может, подскажешь, как правильно? – начальник обменялся насмешливым взглядом с Туфом. – Как вас там учили, а ну-ка!

– А что, и подскажу, – Петрович возбужденно потер ладонями о коленки. – Дайте, на чем рисовать.

Через минуту он уже всю водил угольным карандашом по обрывку бумаги, увлеченно рассказывая про курки, капсюли, боевые пружины, шептала и спусковые тяги. Начальник слушал, озадаченно почесывая лоб, Туф вытянул шею и тарасил удивленные глаза.

Наконец главный сторожевик взял импровизированный чертеж в руки и внимательно его рассмотрел, заглянув даже на обратную сторону, где ничего не было. Изумленно покачал головой.

– Толково разъяснил, – пробормотал он. – Это ты сам придумал?

– Не сам, все до меня придумано.

– И нарисовал грамотно. Ты мастеровым, что ли, раньше был, лудильщиком, слесарем?

– Бери выше! – усмехнулся Петрович. – У меня таких мастеровых целая бригада работала!

– Работа, конечно, тонкая, – начальник продолжал разглядывать рисунок, – и дорогая. И как такую пружину сделать, чтоб через день не сломалась...

– Уметь надо, – развел руками Петрович. – И науки знать. Пружинная сталь – она разная, для всякого случая своя. Вот здесь, полагаю, рессорка обычная подойдет, шестьдесят пятая марка, к примеру...

– Муммо, может, ты скажешь, что в Академии учился! – весело воскликнул Туф.

– Нет, до академий не дошел, но кой-чего умею.

– Я вот чего не пойму... Эта штука, которую ты нарисовал, она на самом деле где-то есть? Ты ее в руках держал? Или это так, вольное сочинение столичных магистров?

– Конечно, держал! – с некоторой обидой откликнулся Петрович. – И держал, и стрелял! Из нарезного с двухсот шагов кабанчика сбивал, бывало.

– С двухсот шагов? – начальник как-то странно на него посмотрел, а Туф вдруг фыркнул, но тут же затих.

– А что такого? Есть, которые и на всю тысячу бьют. И не только бьют, но и насквозь пробивают, не то что ваши сморкалки...

– И ты их видел, это точно?

Петрович только руками всплеснул.

Начальник осторожно свернул бумагу и положил в карман куртки.

– Буду в городе – покажу это знакомому механику. Интересно, что он скажет, – сторожевик окинул Петровича оценивающим взглядом. – Так что думаешь? Не желаешь пойти на сторожевую службу? Ремесло тебе знакомое, как я вижу, а про наше житье ты и сам уже все знаешь. Или так и будешь на кухне помой носить?

Петрович сокрушенно вздохнул. Потом нагнулся и некоторое время рылся под кроватью.

– Вот! – он извлек и выставил перед собой рваную кроссовку «Найк», найденную много дней назад в местной помойке. – Вот о чем я хотел спросить! Что это такое, знаете?

Начальник чуть подался вперед, озадаченно разглядывая вещь.

– По-моему, старый хлам, – изрек он наконец.

– Нет, не хлам это. Мне сказали, люди тут у вас были. И ты с ним говорил, так?

– А-а... припоминаю, были двое, – кивнул начальник. – Точно-точно, мы их с котлованов привели, у вурдов отбили.

– Вот-вот! – разволновался Петрович. – Мне бы их найти, а? Куда они пошли, слышь?

– Да кто ж их знает! – рассмеялся сторожевик. – Были – и ушли, степь большая.

– Как же ушли, как же ушли?! – Петрович чуть не плакал. – И что, совсем не сказали куда?

Сторожевик призадумался, почесывая коленку. Наконец покачал головой.

– Помню, что один из них – настоящий магистр. Из столицы. А второй вроде как слуга. Молодой, здоровенный такой. Молчал все время. Сапоги мы ему выдали, это правда. Потом ушли с первым караваном. А куда – не сказали, у них свои дела.

– Как же, не сказали... – Петрович в эту минуту словно постарел на глазах. Глядя на него, начальник и сам беспокоился.

– Да ты не убивайся так, муммо, если человек нужен, его всегда можно отыскать.

– Да как их теперь отыскать?! – горестно отмахнулся Петрович.

– Ну, вот посуди – старший, я тебе говорил, магистр. Магистров в столице не так много, в Академии их всех знают. Имя его у нас записано. Вот и все! Доберешься до Вантала, там что-нибудь сообразишь.

– До Вантала, – Петрович поднял глаза с проблеском надежды. – А далеко этот Вантал?

– Ближе, чем Шира! – не к месту хохотнул Туф.

– Вантал далеко, – вздохнул начальник. – Пешком не дойдешь. Денег надо много на такую дорогу.

– И что же мне делать? – Петрович жалобно заморгал.

– Что делать?.. – проворчал сторожевик и снова задумался, подперев голову кулаком. – Ну, скажу так, продуктов мы тебе на первое время дали бы... и денег, пожалуй, немного. Посадим на караван – до ближайшей станции или порта доберешься. А дальше... – дальше сам разбирайся.

– Согласен! – ни секунды не сомневаясь, кивнул Петрович. – Давай так и сделаем. Когда твой караван будет?

– Не знаю... дней пять подождешь, может, и побольше. Узнаем по радио.

– А я вот еще что думаю, – подал вдруг голос Туф. – Ты ведь можешь ему Знак доблести выдать, так? Он же воевал, заставу спасал...

– Ну, могу, – пожал плечами начальник. – А что ему толку от этого знака?

– А я могу у него этот знак купить! – Туф широко улыбнулся. – Для себя. И заплачу хорошо. Всем же польза!

Начальник некоторое время смотрел на него с недоумением, потом вдруг во весь голос расхохотался.

Но смех его быстро оборвался.

– Докатились, – неожиданно серьезно заявил он. – Помощник кухарки обороняет заставу, а сторожевики покупают у него награды. Он покачал головой и с чувством повторил: – Докатились!

Глава 6

Загородный научный центр прятался в густых зарослях, среди древних пологих холмов. Увидеть его случайно было довольно непросто. Разве что мелькнет в разрывах ветвей серая башенка.

Выглядел он довольно необычно и от местной архитектуры отличался примерно как нефтеперегонный завод от дачного поселка. Несколько цилиндрических башен соединялись галереями. Сами башни венчались круглыми крышами, похожими на шляпки грибов. Все это обросло лесенками, надстройками, переходами и висячими террасами, как городок эльфов.

Стены были очень старыми, но при этом следов разрухи и ветшания почти не наблюдалось. То ли древние строители хорошо знали свое дело, то ли новые хозяева особенно прилежно заботились об этом памятнике ушедшим поколениям.

Владу и Лисину выделили комнату под самой крышей в одной из башен. Здесь было тепло и сухо, обшитые темным деревом стены создавали подобие уюта. Спать, правда, пришлось на самодельных кроватях, собранных из случайных деталей. Зато кормили тут хорошо – кухня работала четко и с должным мастерством.

Здесь работали полтора десятка магистров, в основном молодых, из Академий жизни и материи. Чем они занимались, Влад толком не понял. Вроде бы – немного погодой, немного наблюдением за растениями и насекомыми, еще чуть-чуть – опытами с минералами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.